

АЛЕКСЕЙ КАПУСТИН

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Прозаические миниатюры

АЛЕКСЕЙ КАПУСТИН

(1982–2001)

Алексей родился 10 февраля 1982 г. в г. Сосновый Бор Ленинградской области. С детства много читал, с восьми лет занимался музыкой по классу аккордеона. В четырнадцать лет продолжил музыкальное образование в Санкт-Петербурге, учился в музыкальном лицее. В 17 лет стал студентом Санкт-Петербургской государственной академии культуры. С шестнадцати лет начал писать стихи. В девятнадцать лет была написана единственная пьеса «Любимый жираф Сальвадора Дали». В 2001 жизнь Алексея трагически оборвалась. Сухие строчки короткой биографии. А чтобы рассказать об Алексее Капустине может не хватить и целой книги. А можно сказать одной фразой: «Он родился художником». Исключительная музыкальная одарённость, которая проявилась на много раньше, чем одарённость литературная, сразу показала — Алексей не исполнитель, не интерпретатор. Он — творец. Он видел мир через образы, созданные собственным мироощущением. А судьба не даёт человеку возможности самому выбирать время, в котором ему жить. И, возможно, если бы время осознания себя и действительности выпало для Алексея на более стабильную эпоху, он бы смог примирить с ней своё творчество. Но 90-е годы, конец XX века, не дали ему такой возможности. Да, пресловутая эпоха перемен — в духовном плане — не способствует творчеству. Она позволяет только выживать... И у художника остаётся только два пути — или всю свою энергию направить на то, чтобы приспособиться, выгородить для себя тихий уголок и свысока презирать суету, или окунуться в самую гущу кипящей лавы и попытаться из неё вылепить мир таким, каким художник его видит и понимает. Алексей выбрал второй.

Эрик Шмитке

«ИСКРА ПО НЕБУ БЕЖИТ...»

Вы перечитали неизвестное имя, взгляделись в юное лицо, думая примерно так: — Очень, очень жаль мальчика. Хороший, наверное, был. Одухотворённый. Сочинял. Жить бы да жить — стал бы писателем. Или не стал бы — теперь не узнаешь. Теперь его голос потеряется в общем гуле, не слышный никому, кроме несчастных близких.

Так вот, вы ошибаетесь. Не тот случай. Не какой-нибудь, там, жестяной венки на ранней могиле безвестного незнакомца. Эта книга не взывает к жалости, но обещает радость. И очень может быть, что тут не конец судьбы Алексея Капустина, но первая вспышка его будущей славы.

По крайней мере, так предполагает нижеподписавшийся.

Потому что пьеса «Любимый жираф Сальвадора Дали» — блестящая и глубокая вещь. Такая экстравагантная, такое в ней соединение яркой фантазии, трагизма, клоунады и настоящей (представьте себе!) метафизики, — что просто глазам своим не веришь: словно её полжизни обдумывал мастер с европейской выучкой.

И странные тексты — «Таинственные новеллы», иначе именуемые «Обрывками бумаги, наклеенными на кирпичную стену», — верлибры, не верлибры — передают очень целостное и очень нетривиальное мировидение. Тоже ни за что не угадаешь начинающего — или ему диктовал некто более взрослый, более опытный. Приходится заключить, что тут выражен, вот именно, сверхопыт. Едва ли не мистический.

И то, что поразительное окружено более или менее обычными пробами пера — искренней, но несовершенной (где ум мучается без мелодии) лирикой, наивно-болезненной прозой, — это даже успокаивает. Ведь иначе просто не бывает. Черновики документируют историю таланта.

Обратите, кстати говоря, внимание на даты. Алексей Капустин работал рывками. После каждой паузы писал больше. И лучше. Если расставить тексты подряд, получится короткая, три года всего, крутая кривая. Как бы график старта.

Который состоялся. Сила тяжести преодолена. Искра по небу бежит. А что пилот погиб — с Земли не видно.

Самуил Лурье
Санкт-Петербург

ОГЛАВЛЕНИЕ

Эрик Шмитке. Алексей Капустин	50
Самуил Лурьею «Искра по небу бежит...»	51
Предчувствие	52
Запах Нового года	54
Рыжий взгляд зелёного котёнка	55
Бородатый совёнок	57
Розовая сосна	59
Озеро смеющийся утки	60
В ожидании чуда	68
Путь	72
Антидождь	74
За и против	77
Свет открывающихся глаз	80
С Богом за чашечкой чая	82
Пингвин на вершине айсберга	83
Аквариум для души	86
Комната для пятерых	87
Величина одиночества	88
Бесконечность	90
Червоточина в сердце	91
Глоток дыхания	93
Максимы	95

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Взять бы Тебя на руки и отнести на
край света туда
где никого не

будет

треск заведённых зачем-то
часов отмеряющих давно остановив-
шееся

время

осенней печали подходит к концу
скоро зима

умертвит остатки движения и все мо-
гут спать

камни животные люди боги и ещё
кто-то совсем уже

непостижимый с помощью уставшего
человеческого

разума

становится с каждым днём

всё меньше и меньше да и кому он
такой

нужен

проблеск надежды не умирающий
сразу после

рождения но способный перекрасить
чёрную зебру в белый

цвет

неба напоминает о пролитой на про-
тяжении

дня крови неокрепших младенцев
искупающих чужие грехи своими по-
следними

слезами

наполнились мои ладони задрожав
от этого ещё

больше

нет сил продолжать
ползти вверх по упирающейся

горе

переполняет душу предавая ей
состояние идущего на казнь только
из-за того что пришло

время

попрощаться с прожитым и шагнуть
в сторону всеобщей

зимы

в этой Вселенной бывают
очень суровыми поэтому мало кто
доживёт до весны

да и что он будет делать в мире чу-
жого

счастья

осталось ровно столько чтобы
взять Тебя на руки и отнести на край
света туда

где никто не помешает нам спокойно
встретить

закат человечества

16.11.2000

Несколько миниатюр,

объединенных

одним автором

ЗАПАХ НОВОГО ГОДА

Если Вам интересно, то у меня новогодний почерк, это потому, что он напоминает снежинки, спрятавшиеся в сугробе снега. А когда я пишу, у меня наворачиваются слёзы радости. От прозрачной лужицы меня спасает их привычка замерзать ещё в воздухе.

Если Вы не почувствовали бело-голубой цвет букв, слов и более длинных фраз, то перечитайте всё заново.

Уже допивая третью чашку чая, мы решили, что из меня может получиться неплохой Дед Мороз, только вот надо отрастить бороду побольше. Я заметил, что она у меня рыжая. Но Снегурочка успокоила меня, предложив посыпать её блёстками. Тогда я, не раздумывая, согласился быть её Дедом Морозом. Во-первых, это интересно, да к тому же Снегурочка была чертовски красива!

Я люблю огненный кафтан Деда Мороза. Если продеть один рукав в другой, сложить пополам, прогладить утюгом, вывернуть наизнанку, потом продеть ещё два раза, затянуть в морской узел, запихнуть в стиральную машину, отжать, проткнуть зазубренной шпагой, и при этом вы не услышите крик обладателя кафтана, то он не настоящий.

Закончив все приготовления, я взял жезл, так кстати найденный накануне, и мы зашагали в сторону упряжки. Сегодня обязательно нужно запрячь и причесать оленей.

Тем не менее, Новый Год пахнет носками бело-зелёных гномов. Красные Деды Морозы с их ароматными мешками, чуть отдающие оленьей повозкой, по сравнению с ними — просто добрые сказочники. Гирлянда напоминает мне фейерверк, очень похожий на гирлянду. А ёлка в углу указывает на утро первого января.

Ещё под ёлкой можно обнаружить коробочки с подарками, которых ты ждал уже почти год. Разве Новый Год — это не чудо?! Разве это не радость?!

Или, может быть, это не удар огромным топором по ни о чём не подозревающему времени?!

Признайтесь, каждый из вас любит нарезать время ломтиками и подавать на стол для собравшихся дорогих гостей.

Последний вопрос ёлки, перед тем как её застрелят двенадцатые куранты: «Любят ли художники рисовать на бумаге в клетку? Или красные Деды Морозы меньше шатаются, возвращаясь домой в разлинованном пространстве?»

Я бы сам с удовольствием ответил на пару подобных вопросов, но запах Нового Года становится просто невыносимым. Пойду, поменяю гномикам башмачки.

01.12.2000

РЫЖИЙ ВЗГЛЯД ЗЕЛЁНОГО КОТЁНКА

(Рождественский монолог самому себе)

Проснулся я от тепла новой жизни. Ночь. В темноте два зелёных тоннеля, ведущие в бездну, на уровне моей груди. Иногда эти маленькие колодцы закрываются на мгновение, тогда мне становится не по себе. Кажется, что проходит целая вечность перед тем, как они вновь позволяют моему взгляду войти в ритм своего неторопливого свечения. Присмотрелся. На моей груди слева, там, где должно быть сердце, сидит рыжий котёнок.

Свет уже включён. Теперь он расположился уже на моих ладонях. Маленький рыжий котёнок, улыбающийся печальной, тонкой улыбкой. Кого же он мне напоминает? Я точно сознаю, что этот кто-то был со мной с самого рождения всегда бок о бок, лицом к лицу... Зеркало! Так и есть, котёнок похож на меня как две капли воды. Тот же египетский профиль...

Египет. Пирамиды и кошки. Много кошек. Здесь они — боги...

Но как этот зверёк оказался рядом со мной? Есть только один вариант, он вышел из меня, прямо из сердца! Курносая мордашка одобрительно кивает, царапая воздух белыми усами.

Значит котёнок — часть меня. А я ... нет, я не только его дом, гораздо важнее, что я сам часть целого, звено цепи. Как и окружающие меня люди. Сейчас, после того, как я погрузился в эти бездомные мерцающие колодцы, я знаю, какую роль выполняет каждый из небезразличных мне людей. Все вместе они формируют мою судьбу, сами того не ведая, работая в её театре. Но отдельно взятые роли этой нелепой сверхлогичной пьесы так разнятся между собой, что можно только удивляться умению сценариста, который смог соединить несоединимое.

Я чувствую себя очень уверенно, потому что впервые за всю жизнь надо мной настоящая библейская тварь, а не шаткие строения, сложенные мной наспех из хрупкого картона. Да, теперь я ощущаю под собой опору, и вот я уже вступил на свой путь и уверенно вышагиваю на свет единственной звезды. А ещё меня поддерживает этот котёнок, дремлющий на моих ладонях.

Котёнок принялся мурлыкать. Мне вдруг показалось, что эта его песня и есть истинная тишина, а привычное отсутствие звуков — это сильнейший крик. Крик кошки. Стон, раздирающий меня одинокими вечерами. Она не дремлет, а её полузакрытые глаза всегда готовы дать импульс гибкому телу, совершить стремительный прыжок. Но пока я защищён, со мной песня котёнка и мои актёры театра судьбы. Я так хорошо знаю их в повседневной жизни, но те поступки, которые они совершают, так разнятся с их истинной сущностью и предназначением, открытыми мне сегодня глазами маленького зверька, чудовищное несоответствие путает все карты, ставит мир с ног на голову.

И вот уже опять темно. Ночь захлёбывается в собственном мраке. Но что это?! Над моим сердцем зажигаются два оранжевых огонька, а вокруг них в свете одинокой звезды поблёскивает зелёная шёрстка. Какой нелепый реверс! Зелёный котёнок с оранжевыми глазами! Я невольно оглядываю себя: может быть, и я вслед за ним изменился до неузнаваемости. Но нет, всё вроде бы в порядке. Просто он — это уже не я. А точнее: я — уже не я, изменилось моё восприятие.

Из темноты на меня ещё смотрят эти зелено-оранжевые тёплые брызги. Но я уже поспешно удаляюсь, ведомый ровным светом своей звезды, мысленно попрощавшись с тем по-детски наивным мохнатым существом, которое некогда претендовало на право называться мной.

07.01.2000

БОРОДАТЫЙ СОВЁНОК

Бородатый Совёнок выглядывал сквозь облако собственных перьев, подслеповато всматриваясь в темноту леса. Родители учили его вслушиваться в ночные шорохи леса, всматриваться в его бездонную темноту. А он не хотел. Вщуриваться, всматриваться и вслушиваться — было неинтересно и даже как-то противоестественно для Бородатого Совёнка, и мало кто знал, что его любимым занятием было — мечтать.

Да, да, Бородатый Совёнок был наделён этим удивительным свойством характера, о котором не догадывались даже его заботливые родители, он умел мечтать!

Перебирая своими цепкими лапками сучок дерева, он задумчиво смотрел в ночную темноту, мысли его были далеко... Он даже не слышал, как перешёптывались над его головой старые деревья: «Посмотрите, как он мал! Он совсем не знает жизни». Суровый ветер не разделял их мнения, он любил Бородатого Совёнка и, в знак любви, ласково перебирал его пёрышки, слегка дотрагиваясь и глядя его.

А мрак ночи хранил полное молчание, наверное, он один знал, что в терпеливом молчании заключена вся мудрость природы. А вы, как люди здравомыслящие, я знаю, хотите мне возразить: «Какая же в этом польза — уметь мечтать?» А разве вы не замечали, что все мечты — добрые!

«Мечта похожа на мягкое, пушистое облако», — думал наш Бородатый Совёнок. Узнай об его мыслях старая ворона, она непременно бы рассмеялась злобным карканьем от всей души: «Как-к наивен, карк-к! Мечты либо разбиваются, либо разлетаются».

Вы, наверное, уже захотели узнать, о чём же мечтал этот Бородатый Совёнок?

О, его мысли сменяли одна другую, и он закрывал свои огромные желто-зелёные круглые глаза в тот момент, когда новая мечта поселялась в его пушистой голове. Он мог мечтать о встрече со своим другом — ежом. Ёж был всегда приветлив, хотя и очень занят, улыбка не сходила с его лица. Бородатый Совёнок всегда удивлялся этому резкому контрасту природы: доброму, бархатному взгляду своего друга и тысяче колючек на его теле. «Мир не прост», — как бы извиняясь за свои колючки, прошуршал его приятель.

Но самой большой мечтой нашего Бородатого Совёнка было встретить одну Девочку, ту, которую он однажды увидел на своей поляне. Да, да, это была очень неожиданная встреча. Совёнок даже не знал, откуда она появилась, вся в лучах полуденного солнца, ведь он почти задремал, как вдруг на цветочную поляну выбежала Девочка, упала в белоснежные ромашки и залилась звонким смехом. Казалось, тысячи маленьких колокольчиков зазвенели и запрыгали,

подобно лучам солнца, стоявшего над лесом.

И наш Совёнок стал невольным свидетелем её игр.

Девочка сорвала цветок и принялась вертеть его в своей изящной руке. На цветок села шуршащая Стрекоза и, тихо шумя прозрачными крылышками, стала рассматривать Девочку. Девочка подмигнула Стрекозе. Стрекоза недовольно отвернулась. Девочка улыбнулась и легко подула на неё. Стрекоза мягко вспорхнула и улетела в лазурное небо, даже не попрощавшись.

Девочка перевернулась на спину и подставила лицо под тёплые солнечные лучи. Один лучик пробежался по её тёмным волосам, перескочил на прекрасную мордашку, на мгновение застрял в густых ресницах и скрылся в высокой, зелёной траве. Девочка довольно улыбнулась. Она была рада тёплому солнцу, рада лёгкому ветру, заботливо перебирающему её волосы, сотканые из тёмного шёлка. И Совёнок подумал, что он завидует стрекозе, цветку ромашки, с которыми уже подружилась эта замечательная Девочка.

А Девочка радовалась жизни.

Да и как можно было не любить такую счастливую жизнь! Маленький, беззащитный зародыш любви начал неистово колотиться, пульсировать и, выходя из сердца Совёнка, придавать ощущение лёгкости и счастья. Поддавшись этому радостному чувству, Бородатый Совёнок был готов слететь с дерева и упасть к ногам Девочки, как вдруг...

«Эй – ли! Ли – Ли – и – и!» — После этих слов Девочка исчезла с ясной поляны так же внезапно, как и появилась.

А Бородатый Совёнок с тех самых пор...

Жил. Ждал. И мечтал вновь увидеть её.

Иногда Совёнок испытывал тяжёлое чувство тоски, замешанное на сильном отчаянии, это чувство было способно затмить самый ясный день, но, к счастью, оно длилось не долго. И Бородатый Совёнок вновь ждал, мечтал, потому что твёрдо знал: очень скоро их встреча состоится! И он будет самым счастливым на этой планете!

А вообще-то счастье очень неоднозначно.

Скорее уж оно незначительно...

01.11.2000

РОЗОВАЯ СОСНА

Я сижу у окна. Окно смотрит на улицу. А улица приготовила нам всем сюрприз!..

Вы заинтригованы? Я тоже. А окно просто-таки готово вывалиться наружу от нетерпения.

Ну?! Закрыли глаза. Досчитали до трёх. Всё. Можно открывать...

Да. Что-то не вышло. Попробуем ещё раз.

Я смотрю на окно. Окно сидит перед улицей. А улица приготовила нам всем сюрприз!.. Даже не буду спрашивать, по глазам вижу, что вы все заинтригованы. Тогда закрывайте, считайте и открывайте. Всё. Всё, можно...

А, привет, это ты? Ну, давай, садись скорее рядом и смотри сквозь окно.

Да нет, не через стену, а сквозь окно, говорят, так удобнее. Сегодня улица приготовила нам всем сюрприз!.. Что за сюрприз? Не знаю. На то он и сюрприз, чтобы оставаться до последнего момента неузнанным.

Хлопки в ладоши. Да нет, не шлепки, а хлопки. И не надо на меня так смотреть!.. Зачем? Потом скажу. Сначала хлопки. Вот так. Молодец. Видишь, что-то маленькое начало пробиваться сквозь асфальт. Это Розовая Сосна.

Ходят слухи, что она умеет разговаривать, и ещё у неё плохой характер. Но ты не верь всему этому. Она очень милая.

Да что я тебе рассказываю, это ведь ты придумала её! И не надо отпираться, я всё помню. Ты тогда сказала: «Ты – Розовая Сосна, но ты не растёшь из-под асфальта, значит ты – не Розовая Сосна. Но кто же тогда, если не ты? Научись лучше расти, несмотря на асфальт. И не надо закрывать глаза, это не поможет. Так-то лучше. Теперь я точно знаю, что ты – Розовая Сосна. Скажи, а ты спал сегодня или опять пил кофе, сидя на каменной улице? Ну, вот, я так и думала. Придётся называть тебя Розовой Сосной. Ничего не поделаешь. Это, наверное, всё оттого, что ты очень похож на Розовую Сосну. Да, и такие тоже бывают. Ты удивлён? Почему ты молчишь? Тебе что, плохо слышно через асфальт? Извини, я не специально проложила его. Так получилось. Ты же помнишь, я даже не умею варить гудрон. Как, ты не знаешь, что такое гудрон? Скажи, все сосны такие необразованные? Объясняю. И постарайся запомнить с первого раза. Гудрон – это то, чем сосны чистят ботинки. Ты ведь у нас Розовая Сосна, вас этому должны были учить в школе. И вообще, у тебя очень плохой характер и ты эгоист. Я просто обижена на тебя за то, что ты растёшь так быстро, несмотря на асфальт. Да, и поэтому ругаюсь и злюсь. И не пронзай меня, пожалуйста, взглядом. Помни, что ты не рентген, а Розовая Сосна. Ну всё, мне пора бежать. Почему так скоро? У меня дела. Какие, не скажу. Кто будет окучивать? Не знаю, меня это не касается. И вообще ты уже не маленький. Что значит, сажала, а ухаживать не хочешь? И не делай

такое лицо, оно тебе не идёт. Да, и это тоже. Тебе вообще не идёт ни одно лицо, ты же Розовая Сосна. Не забывай об этом. Всё, до скорого. На сколько это скоро? Не знаю, как уж получится. Да и куда тебе торопиться, сосны живут долго. А, прости, всё время забываю, что ты — розовая. Ну, будь умницей. Да, и не пей много кофе по ночам: иголки будут слишком острыми. Всё. Пока.»

Удачи тебе!..

Я высунулся в окно и помахал вслед уходящему звуку твоих каблучков.

Как сразу стало одиноко.

Пойду выпью кофе. Ах, да! Ты же мне запретила. Хотя сейчас вроде бы и не ночь. Но ведь я по-прежнему Розовая Сосна, открывшая глаза при помощи асфальта.

Безусловно, ботинки тоже по уши в гудроне. Нет, я никого не хотел обидеть. Ты что?! Да как ты могла подумать?! Конечно, мне очень нравится, как ты завариваешь гудрон. Да и кофе тоже. Нет, я не вру. Розовые Сосны никогда не врут, они фантазируют. Ну, это уж слишком! Я — эгоист?! Может быть, ты путаешь с пианистом! Нет, я не издеваюсь. Что ты, ни в коем случае. Я даже ежедневно подпиливаю свои иголки, чтобы они не были такими острыми. Скоро я вообще стану лысым, как бублик. Что, розовый бублик тебе нравится больше? Не смейся, а то я тебя уколую. Больно, но нежно. Что значит — так не бывает? Нежность всегда несёт боль. Нет, я не говорю глупости...алло, алло, тебя плохо слышно! Может, что-то с телефоном? Подожди, я ещё не сказал самого главного! Кто-то пробивается. Эй, повесьте трубку...

Да нет, это я не тебе!..

Ну вот, придётся опять перезванивать...

08.11.2000

ОЗЕРО СМЕЮЩЕЙСЯ УТКИ

(Рассказ, вывернутый наизнанку)

Я перепрыгнул грань половины шестого, ровно, когда под ногами зашевелились первые листья леса.

«Золотое сечение дня», да ещё и пятница.

Остановившись и приковав руки к воздуху над головой, я глубоко вдыхал в себя кульминацию недели, заключённую в запахе свежих сосен. Побыв несколько минут распятым на красоте осеннего леса, я дал импульс ногам вести меня к воскрешающей воде озера.

Деревья приветливо улыбались мне вслед, перешёптываясь о чем-то своём. Втянутые когти иголок излучали обманчивую дружелюбность... их намерений относительно меня. В их планы не входило сомкнуться надо мной непроглядной чашей, заглушив мой предсмертный крик, наоборот, при виде меня они со всей учтивостью отскакивали по разные стороны образовавшейся тропинки.

В тишину, как капля в воду, откуда-то сверху упало ультразвуковое пение птиц. Мои нервные окончания запрыгали и заплясали в такт. Я невольно остановился: человеческая марионетка, которую дёргают за звуковые лески, посреди сцены леса.

Но вдруг!.. Что это?!.. Мой мозг пронзила острая, чёрная молния! Я совсем забыл, зачем я пришёл сюда. Лес мгновенно ушёл у меня из-под ног со всей Землёй, и я оказался посреди Мрака Вселенной. Полчаса назад, находясь ещё в каменной геометрии города, я сказал Ему, что буду ждать на заливе. Я взглянул Ему в глаза, даже если Он будет бешено разрывать меня на куски своими острыми, как линия морского горизонта, зубами. И сейчас Он уже, наверное, понял, что я не приду туда, и мчится на мой запах сквозь густые леса.

Я вдруг увидел себя сверху: маленькая беззащитная человеческая точка, а вдалеке, ещё пока за несколько километров, к этой точке стремительно приближается бесформенное Оно, оставляя за собой выжженный след смерти.

Сердце неистово заколотилось в моей груди. Оно хотело выпрыгнуть и ускакать в спасительную клетку города. Я с трудом удержал его. Нужно было продолжать движение: у воды я буду в большей безопасности.

Ещё пара мучительных минут, завершившихся прыжком через тоненький ручеёк, и я уже преклоняю колени перед огромной иконой озера, в которой с далёкого неба отражается лик Бога.

Несколько часов я тихо плачу, наполняя озеро слезами печальной радости. Изменившейся цвет неба заставляет меня выйти из состояния ледяной скульптуры: человеческая фигурка, причащающаяся божественностью природы. Воздух заметно потемнел. Глаза просят меня взглянуть на часы. Я повинуюсь. Половина девятого. Через полчаса должно совсем стемнеть. А я собираюсь обойти озеро кругом.

Разум подсказывает мне, что лучше вернуться в город, но страх наткнуться на Него, наверняка сменившего стремительный бег на тихое, кровожадное подкрадывание к жертве перед смертельным прыжком, поворачивает мою голову в густой лес.

Перед тем, как отправиться в свой, возможно последний в жизни поход, я ещё раз оглядываю кромку озера, изучая ландшафт. По гладкой воде, как на коньках, гарцует небольшая стая уток. На той стороне озера что-то крупное с шумом плюхается в воду и начинает прожорливо грести в моём направле-

нии. Застыв, я жду, когда Оно подплывёт поближе, и я смогу разглядеть его. Звук раскрывающейся раны на коже воды неожиданно обрывается. Что это было? Я стараюсь не представлять, какая сейчас кипит жизнь на дне этого вполне безобидного с виду озера.

Вспомнив о времени, я делаю первый неуверенный шаг в сторону чёрного зрачка леса. Мне всё время кажется, что его тяжёлое веко опустится и я окажусь в мире мрачных снов и фантазий, изголодавшимся по случайным путникам.

Сосновый лес постепенно сменяется лиственным, темнея в такт неба. Я всё больше замедляю скорость движения и всё чаще судорожно озираюсь по сторонам. Наверное, эти неумелые попытки защитить себя смешат искушённый в деле убийства лес.

Ещё несколько десятков метров, и линия озера, несколько ушедшая в сторону, вновь возвращается к моим дрожащим ногам. Я решаюсь приблизиться к воде, сознавая, что окажусь зажатым между двумя подозрительными в своём спокойствии стайками деревьев.

Деревья похихикивают в кулачки шишек, предвкушая...

Но что это?!... Какой-то шорох, трепыхнувшийся на долю секунды... И этот звук!.. парализовавший мой мозг, превративший меня в гипсовую статую, испещрённую с ног до головы трещинами ужаса, статую, готовую распасться на мелкие кусочки от одного только эха этого нечеловеческого звука! Меня спасли сосны на том берегу, отказавшиеся возвращать его назад...

Это был *СМЕХ УТКИ!!!*

Ничего более ужасного и противного человеческой Природе Вселенной вообще я никогда не слышал в жизни.

Утка смеялась, сидя в своём потёртом гнезде, как в седле бешеной лошади, и в смехе этом были цинизм вседозволенности, предупреждение об опасности и ещё много чего другого невыразимого, онемевшим от страха человеческим языком.

Оцепенение смело воедино секунду с вечностью. Так что я не знаю, сколько слушал этот ужасный хохот. Может быть, целую жизнь. Но вот я уже стремительно рванулся в сторону города, погоняя себя обжигающими ледяным холодом вожжами страха.

Деревья по-прежнему были на моей стороне и продолжали расступаться, но движения их стали заметно медленней от удивления или, может быть, от плотности мрака. Как хорошо, что Утка остановила меня. Уже абсолютно темно, а озеро обходить более часа. Я бы наверняка остался там на всю ночь, ночь, равную человеческой жизни.

Я всё ещё не мог понять, почему продолжаю стремительно бежать, когда вдруг вспомнил... И, о ужас, эта мысль чуть не свалила меня с ног, сделал

беззащитным мячом, который непременно бы пнуло каждое из многометровых деревьев, разделившихся на две команды по разные стороны моей тропинки: где-то совсем рядом, так что я уже почти вижу два красных огня глаз, в которых бурлит туманная смерть где-то совсем-совсем близко, может, на расстоянии, вполне достаточном для прыжка, ко мне пробирается Оно, уверенное в своей неминуемой победе.

Мои ноги становятся просто бешеными в желании жить. С каждой секундой я всё наращиваю темп бега. Деревья уже слились в две плотные стены, так что я бегу в сужающемся, бесконечном, тёмном коридоре. И чем больше я увеличиваю темп, тем быстрее Оно приближается ко мне. Вот уже несколько метров, и я на свободе, уж лучше клетка города, чем тоннель смерти леса. Оно прыгает, повисает в воздухе надо мной, я делаю последнее нечеловеческое усилие, так что растоптанные листья даже не успевают вскрикнуть. Мир замер в оцепенении, каждая секунда растягивается на тысячелетия...

Всё.

Я оказался на мгновение проворней и кубарем вкатился в город, раздирая себя в кровь о наждачную бумагу асфальта.

Не успев погасить энергию, Оно с треском ломающихся костей врезается в непроходимую для себя грань между цивилизацией и природой за моей спиной.

Я молча лежу на холодном асфальте, уткнув голову, обхваченную руками, в землю, и слушаю Его злобное шипение, удаляющееся во мрак леса. Сердце моё бешено колотится, ломая уверенное дыхание города. Так я пролежал до рассвета, не смыкая глаз. Потом встал и на подкашивающихся ногах заковылял домой в открытую могилу мягкой кровати.

Сон мой был коротким и беспокойным, мучили утренние кошмары, и без того отличающиеся небывалой жестокостью. А тут ещё воспоминания о пережитом. И среди них острой полосой, шрамом, оставшимся в душе до конца дней моих...

СМЕХ УТКИ...

* * *

Тело было разбито, каждый его сантиметр пытался перещеголять другой в изощрённости и пронзительности боли. Пересохшие губы были изодраны трещинами. Но сильнее всего ныла рана, оставленная в душе.

Я сознавал, что сегодня нужно пойти обратно в лес и обойти озеро. Если я не сражусь с Ним, у меня будет ещё меньше шансов выжить. Раз уж я ввязался в открытый бой, нужно было довести дело до конца.

К вечеру я смог пересилить себя и покинул скромную крепость квартиры. Дома города провожали меня с такими лицами, как будто бы я отправлялся

в последний путь. Только что не снимали крыши, прикладывая их к груди.

Вступая в лес, я машинально взглянул на часы: стрелки тихо проговорили «пол шестого». Совпадение? Вряд ли. А может быть, они остановились ещё вчера? Или сегодня ещё не наступило, и, возможно, не наступит никогда? В голове моей всё перемешалось, я решил предоставить её свежему лесному воздуху.

Ветер уже убирает трупы листьев, ставших случайными жертвами вчерашней погоны. А сколько жизней унесёт решающее сражение? Гораздо приятней просто следовать по воле тропинки, вытоптанной мной прошлым вечером.

Через полчаса, поприветствовав озеро аплодисментами проходящих ботинок, я вступил на дорожку, уводящую за поворот берега. Вскоре я обнаружил, что она идёт не вокруг озера, а уходит резко в сторону. Как маленького мальчика, не желающего идти к врачу, поволок я себя за руку через лёгкие заросли молодых берёзок. Земля под ногами не таила даже намёка на тропинку. Шёл я медленно, постоянно останавливаясь и обращая всего себя в слух, чтобы не пропустить ни одного, даже самого неприметного шороха, который вполне может оказаться последним звуком, услышанным мною в этой жизни. Лес неприятно давил со всех сторон.

Уже пройдя достаточное расстояние, я вдруг вспомнил об Утке. Как же я мог забыть о ней? И почему она не смеялась на этот раз? Наверное, судьбе угодно, чтобы сегодня я затянул, наконец, петлю вокруг озера. До наступления темноты оставалось ещё много времени, поэтому я не торопился.

Вскоре на смену лиственному лесу вновь выступили ароматные сосны. Я невольно улыбнулся. Но вместо ответной улыбки деревья вдруг опасно втянули капельки янтарной смолы в щели своей кожи. Смола испуганно дрожала, укрытая заботливыми родителями. Наверное, вместо улыбки с моего лица соскочила невольная гримаса ужаса и, как старая липкая жаба, заковыляла в приветливое болото.

Да, нервы мои были на пределе. Случайный треск поворачивающего отёкшую голову дерева покрывал всё моё тело маленькой колючей сыпью испуганной дрожи.

Так я постепенно дошёл до небольшого болотца с огромной шевелящейся бородой камыша наперевес. Чуть впереди отдыхал ленивый ручей. Я приостановился, пытаюсь отыскать глазом переправку. Вернувшись с разведки, глаза принялись докладывать мне об увиденном, но их неожиданно перебили уши, придав моему телу состояние оцепенения кролика, почувствовавшего крадущуюся лису.

Какой-то небесный шёпот доносился с востока. Звук усиливался с каждой секундой. Снежным комом катился он по лесу, сметая всё живое на своём пути. Неужели я тоже стану его жертвой? Я покорно ждал исполнения при-

говора. Но вдруг звук резко преломился в надрывную какофонию губных гармошек. И в то же мгновение в небе возникло его зрительное воплощение: стая серых диких гусей, шлёпающих своими перепончатыми лапами по немногочисленным облакам. Я облегчённо вздохнул. А деревья успокаивающе похлопали меня по плечу мохнатыми ветвями.

Перебравшись через ручей, я монотонно продолжал переставлять ноги, поворачиваясь как циркуль, воткнутый в центр озера.

Голова по-прежнему вертелась на все семьсот двадцать градусов. Я помнил правило: никогда не становиться спиной к лесу, каким бы он не казался мне дружелюбным! Когда вокруг один только лес, выполнить это предписание на сто процентов можно, если лечь на спину, подставив живот под град опадающих листьев.

Я перешёл второй ручей, даже не вспомнив о таинственном существе, обитающем где-то поблизости, которое вчера изрядно пощекотало мне нервы своим водяным уханьем и плеском непропорциональной силы, и вышел на завершающий участок пути.

Ещё пара минут, и я коснулся своих ещё тёплых первых следов, оставленных сорок минут назад.

Удачно завершившийся поход несколько успокоил биение моего сердца. Я присел напротив озера и стал наблюдать за изменением его красок.

Примерно через час первые розовые блики коснулись воды.

Вода поёжилась от удовольствия, раскачав воздух лёгким ветерком. Я, притаившись в расслабленных кронах одинокой сосны, с замиранием смотрел на то, как затухающее солнце раскрашивает Вселенную в самые мягкие из цветов. Привкус оранжевого очаровал небо, выставившее на показ чёрные дыры неподвижных облаков.

Краски перетекали друг в друга на протяжении часа, а потом их неторопливый вальс вдруг резко оборвался, как будто бы отключили музыку: это выжженная голова Солнца опустилась в прохладную тень горизонта.

Всё вокруг стало сине-голубым.

Небо, приравненное к озеру, открывало острые глаза звёзд.

Сейчас, как никогда раньше, небо и озеро представляли одно целое.

А Земля была плоским кольцом, стянувшим бездну, уводящую одинаково далеко вверх и вниз. Толщина этого кольца составляла всего лишь двойную длину деревьев. И казалось нелепым и кощунственным рыть тоннели и шахты в её теле, когда даже обыкновенный дождевой червь способен за день проделать ход на ту сторону Мира. Сколько таких обручальных колец во Вселенной, напоминающих человеку о том, что он рождён от брака вечной воды с плачущим звёздным небом? Моя рука сама собой опустилась в мокрый песок, обняла его и тихо сказала: «Я люблю тебя!..»

Я поцеловал Землю, встал и пошёл в сторону города.

Уже входя в коридор леса, я обернулся, чтобы попрощаться с озером. В нескольких сантиметрах от поверхности воды порхали вышедшие на ночную прогулку летучие мыши, дружелюбно маша крыльями мне вслед.

Я радовался, что день прошёл так удачно, и теперь я переполнен красотой увиденного и вот-вот разрыдаюсь от счастья. Я не вспоминал больше о вчерашнем ужасном дне. Природа приняла и полюбила меня. Я просто парил в узком коридоре сосен, не ощущая ног. И мир молчал.

И только один звук на мгновение кольнул меня прямо в сердце. Может быть, мне просто показалось? Но ветерок с озера донёс еле слышный отрывистый *ХОХОТ УТКИ!*

* * *

События следующего дня развивались стремительно и неотвратно.

Я проснулся с твёрдым знанием, что сегодня должна, наконец, состояться битва, что день этот решит, возможно, всю дальнейшую судьбу. Я был абсолютно спокоен.

Нарочито медленно и вдумчиво приводил зачем-то себя и комнату в порядок, раскладывая всё по полочкам: вещи и мысли. Я не представлял, как будет происходить сражение, может быть, всё решит один точный удар. Одно я знал наверняка: я должен взглянуть Ему в глаза!.. И по возможности остаться в живых.

В половину шестого я вступил в лес и двинулся по уже до мозолей знакомой тропинке в сторону озера.

Склонив оба колена и голову, как никогда раньше похожий на треугольник молитвы, я попросил у воды благословения. Впервые в жизни я видел, как плачет вода. А ведь она всегда плачет, каждую секунду. В этом суть её жизни. О, как я был слеп!

Присутствие смерти открывает нам глаза, обрезая детскую пуповину, связывающую нас с матерью землёй. Только смерть делает нас по-настоящему взрослыми.

Поправив крест тела, спадающего с плеч души, я уверенно шагнул вперёд. Мои ноги сами остановились около деревьев, таящих гнездо Утки.

Значит, битва будет происходить здесь. Я ждал. Всё должно начинаться постепенно; не свалится же оно мне прямо на голову. Мои чувства обострились всё быстрее и быстрее, в геометрической прогрессии.

Привычный мир мало-помалу уступал место своему брату-невидимке, поворачиваясь ко мне неизвестной гранью. Вода в озере забурлила. Посередине образовалась маленькая воронка, которая разрасталась с каждой секундой; пока, наконец, озеро не превратилось в перевёрнутый конус. Неожиданно

с оглушающим грохотом оно вывернулось наизнанку и всосалось в небо, образуя зияющий тоннель. Я окаменел. Я забыл, зачем пришёл сюда! Какая может быть битва, когда я даже не в состоянии закрыть глаза, чтобы избавиться себя от пытки представшим мне зрелищем.

Из чёрной дыры в земле вырвались первые языки пламени, они росли с неестественной быстротой, и вскоре всё небо запылало. Деревья хохотали, охваченные огнём! Сосны сошли с ума! Они плясали, схватившись за руки, водили хороводы. Бедные обезумевшие многовековые деревья, перед смертью впавшие в детство. Если бы я сейчас разрыдался, то вышел бы весь через слёзы безудержного сострадания... Песок изнывал! Он корчился от всё усиливающейся жары, лопался пузырями волдырей. А огонь уже к тому времени сжёг сам себя и превратился в кольшущуюся туманную лаву. Раскалённые камни срывались с неба, убивая целые страны. И над всем этим адом — пронзающий *СМЕХ УТКИ!!!* Смертоносный хохот, рубящий несмелые остатки жизни острой косой! О, Боже мой, зачем я вспомнил о Нём! От одного только предчувствия, что Оно сейчас появится, я завопил так, как никто и никогда из рода человеческого.

Из чёрного пространства впереди меня возникли две зелёные молнии, пролетели, обвиняя друг друга. И тут появилось Оно, уставилось на меня в упор и замерло в неподвижности. Я лишь шипел, не в силах даже закричать. Я хотел упасть в обморок, но сознание не покидало меня. Парализованное тело отказывалось отвернуться. Я смотрел на самое ужасное, что может увидеть человек в своей жизни: передо мной была моя *СОБСТВЕННАЯ ДУША, ВЫВЕРНУТАЯ НАИЗНАНКУ!*

Я не знаю, сколько ещё продолжалась эта пытка, наверное, гораздо дольше Вечности. А потом мои ноги начали погружаться в размякшее болото. И вот я уже по пояс в причмокивающей трясине. Я пытаюсь выкарабкаться, судорожно сжимая и выпрямляя всё тело. Но с горящего неба вдруг скрывается вчерашняя стая гусей и с голодным криком пикирует на меня. Тогда я сам поскорее хочу исчезнуть с лица этой обезумевшей Земли. И я лишь молю Бога скорее меня унести, забрать и спасти! И вынести душу мою в прозрачный, единый Мир Космоса.

Но весь этот ужас — ничто, по сравнению с тем, что пережила одна обыкновенная серая утка: на протяжении трёх вечеров, когда чья-то приближающаяся, сгорбленная, чёрная, фигура с искалеченным от страха лицом прокрадывалась к её гнезду, где вот-вот должны были вылупиться из своих тёплых яиц пушистые утята.

23–24.10.2000

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

(Один вечер из моей жизни)

В ожидании чуда даже как-то легче бегаешь по потолку

— Позвони!.. Ну, позвони!.. Да, ладно тебе ломаться ...! Ты позвони для меня!.. Ну, хоть один разочек!.. А?.. Позвони!.. Прошу тебя!..

Я гладил раскрасневшийся от смущения телефон, положив его к себе на колени. А он отказывался выступить сегодня со своей единственной песней, которую я так любил. Ну, ничего не поделаешь, вдохновение — тонкая штука, так же, как и душа артиста. Придётся бегать по потолку в тишине. Хотя в ожидании чуда даже это получается легко.

А что, если потянуть заржавевшую пружину одиноко темнеющего в углу радиоприёмника? Только вот чем его выманить из своего надёжного укрытия? Пойду, схожу в холодильник, может, там осталась пара белых медведей? Я постучал в металлическую дверь.

— Да-да, входите, — раздался в ответ приятный, простуженный голос.

Я застенчиво вступил в страну вечных сугробов. Огляделся по сторонам. Никого... Странно.

— Есть тут кто-нибудь? — поинтересовался я с помощью вежливого кашля.

— Да, безусловно, мы вокруг, — ответили снежинки.

— Ах, простите, я был невнимателен.

— Пустяки. Это не повод для расстройства.

— Согласен... А есть здесь кроме вас ещё кто-нибудь?

— Старого Пингвина можно не замечать, но его нельзя не помнить, — проворчал голос из глубины холодильника.

— Добрый вечер, Пан-Пингвин. Хорошая погодка, не правда ли?

— Более чем, молодой человек.

— А я уже успел познакомиться со снежинками.

— Рад за вас. А вы вообще в курсе, что снег — это маленькие белые зверьки, которые питаются холодом?!

— Да, как интересно!

— А главное правдоподобно. Я бы на вашем месте не верил всему этому. Вы ещё слишком молоды, чтобы забивать голову подобной чепухой. Вот я в ваши годы... — пингвин явно уходил в себя.

Я решил не беспокоить его дальнейшими расспросами и удалился восвояси.

Уже подходя к двери в комнату, я заметил, что там что-то происходит. Осторожно просунув нос в замочную скважину, я принялся подсматривать. Как выяснилось, это выключатель с выключателем затеяли весёлую игру со

светом. Правда, лампочке эта игра понравилась меньше. Надув губы, она молча сидела на краю телефона, раскачивая ногами и ничего не ела, кроме электроэнергии, вот уже вторые сутки. Я пригрозил двум непоседливым братьям и полез к ней уже привычным способом: на корточках, сначала по стене, а потом по потолку.

- Не сердись на них, дорогая, — я заговорил первым.
- Со мной всё в порядке. Посмотри лучше на себя. Ты смешон.
- Тогда почему ты плачешь?
- От смеха, разумеется.

Я обнял её за горячую талию и закрыл глаза от боли.

- Можешь меня поцеловать, — сказала она.

В тот же вечер от нашего непродолжительного союза родилось сразу десять маленьких волдырей. Своё гнездо, как ни странно, они свили на моём лице...

- А вот и мы!!!

Две огромных, косматых головы неожиданно высунулись из-под кровати, напугав меня чуть ли не до смерти.

— И вовсе не остроумно! — воскликнул я, приземлившись после подпрыгивания.

— А мы хотели сделать тебе приятно, — наивно проговорили белые медведи.

Ну, разве на них можно сердиться?

- Откуда вы взялись?
- Из-под кровати.
- А где вы были до этого?
- В холодильнике.
- А ещё раньше?
- На Северном Полюсе.
- А какая разница?
- Никакой.
- Так кому тогда нужен этот Северный Полюс?
- Да Южному.
- Они что, любят друг друга?
- Поговаривают, что да.
- А кто поговаривает?
- Старый Пингвин.

— Так. Понятно... Ну, хватит об этом. Вижу, что географию вы хорошо изучили в школе.

- Но мы никогда там не были.
- Что, даже по воскресеньям?
- Тем более. По воскресеньям мы ходили в церковь.

— А зубы я за вас буду чистить?!

— Простите, что я вмешиваюсь, — с вызовом произнесла зубная щётка. — Вы, конечно, можете этого не замечать, вы вообще можете выставить меня за дверь. Вы можете даже обозвать меня занудой. С вас не убудет. Но всё это время я исправно чистила ваши ботинки.

— Но у нас нет ботинок, — удивились белые медведи.

— Значит, я обозналась.

— Кто это был? — поинтересовался телефон.

— Ага! Заговорил! — я в упор уставился на него. — Ну, теперь не отопрёшься. Пой!

И телефон запел.

— Алло! Я вас слушаю.

— Привет, ты опять разговариваешь с пластмассовой коробкой. Как это на тебя похоже.

— И никакая это не коробка. Он живой.

— Тогда извините, я ошибся номером.

Из трубки выпрыгнули гудки и забились под плинтус. Испуганные тараканы выбежали из своих домов, даже не успев переодеться, кто в чём: в халате, а кто и просто в одних потёртых тапочках.

— Друзья, пойдёмте пить кофе, — предложил я.

Все, включая уныло волочащихся позади ковров, зашагали на кухню, возглавляемые мной. Потом наступил самый напряжённый момент дня: никто не решался сделать первый глоток. Вода так жалобно смотрела на нас из чашки своими влажными большими испуганными глазами, и мы пошли обратно, прихватив её с собой.

— А давайте тогда посмотрим телевизор, — сказал я, чтобы прервать неловкое молчание.

Наше пёстрое шествие свернуло в сторону гостиной. Войдя в комнату, мы уютно расположились в тёмных приветливых креслах, обитых чей-то потерянной кожей. Только сонные ковры все толкались в дверях, не желая пропускать друг друга.

— Ну что вы все на меня уставились?! — не выдержал телевизор.

Мы молчали.

— Что во мне такого особенного, что вы каждый вечер приходите глазеть на меня?! — не успокаивался он.

— Может, пойдём, а? — прошептал кто-то из тараканов.

Телевизор услышал его и закричал ещё громче:

— Нет, раз уж пришли, то смотрите. Давайте, давайте! А за меня не беспокойтесь. Мне нет до вас никакого дела, — с этими словами он отвернулся к стене и обиженно засопел, широко раздувая бока.

Стена погладила его по голове, смущённо улыбаясь нам. А телевизор уткнулся ей в живот и задремал, опустошённый внезапной вспышкой гнева.

— У него сегодня День Рождения, — тихо сказал телефон. — А мы все об этом забыли.

Как нехорошо получилось. Что будем делать?

Я снял трубку:

— Алло. Нет, это не фотоателье. Это частная квартира. Как, вы тоже звоните из квартиры? Но это исключено: у нас только один телефон. Тогда вы, наверное, правы — у нас тут фотоателье... Кого позвать?... Это тебя, — я протянул трубку одному из белых медведей.

— Я слушаю. А, здравствуйте, это вы? — лицо его сделалось очень серьёзным. — Я же, кажется, просил не звонить сюда... Да, я не один... Это не телефонный разговор... Да... Да... Хорошо... Я приму это к сведению... Ему это тоже передайте... Да... Нет, я так запомню... Говорите... Да... Да... Все... Я не могу так долго разговаривать... Да, предложение остаётся в силе... До встречи...

Он повесил трубку и замер как вкопанный, уставившись в пол.

— Кто это был? — испуганно спросил я.

— Не знаю, по-моему, ошиблись номером. Они звонили в какое-то фотоателье.

В дверь постучали.

— Входите, не занято, — воскликнули мы хором.

В комнате возник Старый Пингвин, между крыльев он сжимал одинокую гвоздику и коробку с тортом. Сухо поклонившись мне и поцеловав руку лампочке, он зашагал через комнату, оставляя на полу следы голубоватого инея. Подойдя к телевизору, он поставил ему торт на голову, принёс свои поздравления и направился обратно к выходу. Остановившись на секунду напротив лампочки, он всучил ей цветок, поклонился мне ещё раз и вышел, затворив за собой дверь. «Хочет заставить ревновать, старый проходимец», — подумал я.

Праздник удался. Пора было расходиться. Измотанные бурным весельем, мы отправились в спальню, еле волоча ноги.

— Эх, почаще бы так собираться всем вместе, — сказал радиоприёмник, — а то живём в одной квартире и не замечаем друг друга. Даже как-то странно.

— А давайте сфотографируемся! — предложил я.

Все одобрительно закивали головами. Из холодильника вылез Старый Пингвин, теперь на нём была коричневая жилетка, из кармана которой торчал большой древний монокль.

— Так уж и быть, — дружелюбно проворчал он, — я вас щёлкну, как ни как, у нас фотоателье. Впервые в жизни мы видели, как он улыбается.

Я до сих пор храню эту фотографию, помещённую в красивую резную рам-

ку, на самом видном месте, вспоминая те прекрасные времена, когда даже Старый Пингвин был так заразительно молод и в душе наверняка верил в то, что снег — это маленькие белые зверьки, питающиеся холодом.

19.01.2000.

ПУТЬ

Андрей вошёл в палатку, бессильно упал на тёплый песок. Было нестерпимо жарко и хотелось пить. Он достал флягу и сделал маленький глоток. Это не помогло. Он посмотрел в угол, туда, где сидел Панов. Панов работал. Он всегда работал. И это раздражало. Именно сейчас. Два человека бредут по пустыне, практически без еды и воды. Ты места себе не находишь, чуть ли не каждые пять минут бегаешь на барханы и всматриваешься в горизонт. А он сидит тут и пишет что-то, да ещё поглядывает на тебя, как на дурака. Машина, робот ржавый.

— Ты — машина, — произнёс Андрей.

Панов поднял на него удивлённый взгляд.

— Кто?

— Машина, робот, чудо научно-технического прогресса.

— Что это с тобой? — произнёс Панов без особенного интереса. — Опять перегрелся?

— Да нет, по-моему, это ты перегрелся. Чем что-то писать, лучше бы подумал, как нам отсюда выбраться.

— Как выбраться? — повторил Панов. — Идти вперёд. Или ты знаешь способ лучше? Тогда изложи. — Андрей не знал.

— Ну, хорошо, Дима, — сказал он тихо. — Но ведь мы не дойдём, ведь это бессмысленно.

Панов уже опять погрузился в свои записи. Но ненадолго. Тетрадь захлопнулась, он встал, подошёл к Андрею и сказал, похлопав его по плечу:

— Ничего, дойдём. Я знаю ... почти наверняка.

Андрею стало гораздо спокойней. Раз он знает, значит дойдём. Уверенность Панова всегда так быстро передавалась ему, и всегда эта уверенность не нуждалась в доказательствах. Панов просто знал.

— Ну, тогда пошли, — предложил Андрей.

— Пошли, — ответил Панов, и они начали собирать сначала вещи, а потом принялись складывать палатку.

И вот уже, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, они опять шли по раскалённой

пустыне. Солнце стремилось испепелить их, ветер — повалить на горячий песок и засыпать, превратить в два маленьких неподвижных бархана. А они все шли и шли. «Зачем?» — подумал Андрей.

— Зачем? — спросил он, ни к кому собственно не обращаясь.

— Затем, что стоять, как два столба было бы глупо и жестоко, — ответил Панов.

Андрея невольно передёрнуло: он с опаской посмотрел на спутника.

— Глупо, потому что нелогично, — продолжал Панов, — а жестоко, потому что глупо ... и не только.

Панов снова погрузился в свои мысли.

«Потрясающий психолог, — подумал Андрей, — даже страшновато как-то». Некоторое время Андрей ещё ждал, что Панов скажет: «Не бойся!» — не дождался и успокоился.

Делать Андрею было откровенно нечего. Пейзажа вокруг не было никакого. Барханы, барханы и ещё раз барханы. Вот Панов думал. Он всегда думал, думал, когда шёл, думал, когда говорил, может даже, когда спал. Андрей так не мог. Когда он начал вспоминать, как всё произошло, как они остались ждать помощи после взрыва на базе, как они сидели возле дымящихся обломков, молча вспоминали тех, кому уже не сидеть так, и ждали, ждали, ждали... Потом они поднялись, кое-как собрали вещи и пошли вперёд, туда, куда махнул рукой Панов. А почему именно туда? До сих пор Андрей не задавался этим вопросом. Панов прав, всегда. Это не интуиция, это продукт колоссальной мозговой работы. Вот он и сейчас идёт и думает, думает.

— Ты — робот! — восхищённо сказал Андрей, вспомнив их разговор в палатке.

— Биоробот, — задумчиво произнёс Панов. — Умеет мыслить абстрактно, тираж один экземпляр. Всё, что нужно для нормального функционирования, заключено в тюбике с машинным маслом.

Андрей улыбнулся и добавил:

— Нет, ты не робот. Робот всё-таки ближе к консервной банке, чем к человеку.

— Да, наверное. Но, тем не менее, консервная банка живёт дольше, — неожиданно произнёс Панов.

Андрей не знал, что ответить. Точнее, знал, но было очень жарко и не хотелось ничего говорить. Они молча прошли часа два. Потом Панов повернулся к Андрею и спросил:

— Отдохнём?

Андрей не возражал. Они сели на расстеленную палатку. На песке сидеть было невозможно, это было всё равно, что сидеть на включённой плитке. Андрей достал флягу, открутил металлический колпачок и сделал два небольших

плотка. Панов не торопился, и это раздражало. Вообще от этой жары нервы давно уже на пределе, скоро, того и гляди, начнётся ругаться по пустякам. Во всяком случае, я скоро начну. А Димка не начнёт, ведь это глупо и жестоко, так он, кажется, любит говорить.

— А почему мы идём вперёд? — спросил Панов.

— А потому что идти в стороны глупо, вверх и вниз — невозможно, а назад жестоко, — язвительно и, явно пародируя, произнёс Андрей.

Панов довольно ухмыльнулся:

— А что такое жестокость?

— Разминается философ, — с обидой подумал Андрей. — В такую-то жару.

— Не знаю, — сказал Андрей. — Зло не доброта.

— А что такое доброта? — не отставал Панов.

Андрей не выдержал:

— Робот, спрашивающий о доброте, выглядит как-то неестественно.

Робот Панов ухмыльнулся ещё раз и отчеканил:

— Доброта — это практическое воплощение теоретических достижений совершенствующегося разума.

Андрей не понял.

Панов повторил, он был явно воодушевлён тем, что засунул наконец-то добро на полочку в своём мозгу, да ещё так аккуратно. Помолчав немного, Панов снизошёл пояснить:

— Добрый человек экономит энергию, свою и не только.

— Так давай же станем двумя маленькими, неприхотливыми барханами! — воскликнул Андрей.

— Добрый человек, экономя энергию, стремится сделать как можно больше нового.

— А зачем? — спросил Андрей и тут же понял свою ошибку, но было уже слишком поздно.

— Потому что повторять уже сделанное — глупо, а ничего не делать — жестоко, — ответил Панов и как всегда в таких случаях довольно ухмыльнулся.

Они ещё немного посидели, потом встали, собрали палатку и пошли вперёд, туда, куда указал неделю назад Панов. Они шли, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, шли назло ветру, который всё пытался превратить их в барханы.

Они шли для этого ветра, и вообще для всех на свете, потому что стоять на месте было бы глупо и жестоко.

03–04.11.1998

АНТИДОЖДЬ

Антидождь шёл уже седьмые сутки. Упрямо, без остановки, тугими струями он поднимался со всей поверхности Земли и уходил вверх, в бесконечность. Если выйти на улицу и окунуть себя в его плотные, тёплые потоки, то можно испытать небывалое наслаждение, когда вода ударяет по тебе снизу, хочет поднять тебя и увлечь в эту космическую бездну.

Вода как вода, только не падает из грозových облаков, а поднимается из-под земли, наполняя небо фиолетово-серым, плотным дымом. Так я говорю сейчас, спустя семь дней с того момента, когда он вдруг хлынул из песочной дорожки парка, где я прогуливался, восстанавливая силы после тяжёлой рабочей недели (я заканчивал свой доклад по истории живописи некоторых древнегреческих племён, с которым должен был выступать ещё вчера). Сначала я просто подумал, что я сильно переутомился за работой и потряс головой, дабы избавиться от наваждения. Но когда я ощутил влажное прикосновение воды, её запах, то, как мои промокшие брюки прилипают к ногам, меня охватил нечеловеческий, смертельный ужас. Этот страх стал единственным чувством, которое я помнил. Природа рассчитывала, что он должен спасти меня, заставить побежать, попытаться укрыться от вездесущей воды, но вместо этого страх обернул меня со всех сторон, парализовал, лишив возможности двигаться. А тем временем вода поднималась уже отовсюду, её источали травы, кусты, дорожки, плиты, разве что только дома стояли неприступными крепостями на её пути.

И тут меня прорвало. Видимо, страх выполнил свою задачу. Я побежал. Я нёсся между деревьев, инстинктивно выбирая кратчайший путь к своему дому. Ступать на землю было трудно, струи воды сбивали с ног, но даже это было не в состоянии остановить меня. Мой страх, мой первобытный ужас, прошедший через сотни поколений моих предков, был сильнее всего на этом свете. Впоследствии я стал относиться к этому основному двигателю прогресса, ставшему первопричиной для моего стремления, более уважительно и с благодарностью. Ведь, если бы я не оказался в своей квартире отгороженным от этого жуткого ливня оконным стеклом, кто знает, мой разум мог бы пошатнуться.

Итак, волна паники схлынула, я сидел за своим письменным столом и мог впервые всё детально обдумать. Да, это была реальность, настоящая вода, промочившая всю мою одежду. Но почему она поднималась из-под земли? Ведь это противоречит элементарным законам физики. А может быть, я сошёл с ума, и всё это плод воображения моего больного разума? Но этот дождь за окном, эта лужица на потолке над промокшей одеждой? Нет, всё это не менее реально, чем люди, не спеша прогуливающиеся по дороге...

Люди?! Неужели они не боятся этих плотных потоков, неужели странность этого дождя не вызывает у них даже капли удивления?! Я подошёл к окну и, дождавшись, когда мужчина в насквозь промокшей куртке поравнялся с моим домом, спросил: «Простите, что вы думаете об этом дожде? Откуда он?» Человек приостановился и удивлённо взглянул на меня, он был явно озадачен вопросом. «О каком ещё дожде?» — переспросил он.

«Как, вы ничего не замечаете?» Ответа не последовало, он уже торопливо удалялся. Но ведь я точно видел пятна воды на его одежде. Я протянул руку из окна и тотчас ощутил удары сотен тёплых капель. Я попробовал воду на вкус: вода как вода.

В следующие полчаса я сделал несколько телефонных звонков знакомым. Теперь я был более предусмотрительным и просто заговаривал с ними о погоде. Результат был одним и тем же: погода тёплая, ясная, светит солнце, в общем — безоблачный день начала осени.

А дождь за окном всё шёл и шёл с тем же упорством и сосредоточенностью, как и час назад. Я присел и погрузился в мысли о нём. Дождь — часть реальности, так же, как и люди, которые не видят и не чувствуют его. Значит у нас разная с ними реальность. И так как только я один вижу его, то либо я сошёл с ума, либо во мне открылись неординарные способности. О подобных случаях умопомешательства, когда бы одновременно возникали галлюцинации во всех органах чувств, я ничего не слышал. Да и вообще, какой же я сумасшедший, если сохраняю способность ясно, логично мыслить? Значит, эта пасмурная реальность параллельна нашей привычной, общечеловеческой реальности, они существуют вместе и, что самое главное, влияют друг на друга. И тогда моё предназначение показать людям их вторую реальность, научить их видеть её. Я буду изучать антидождь, его особенности, создам физику Второго Мира! И если понадобится, я потрачу на свои исследования всю жизнь, но люди должны знать Мир, в котором они живут. Когда я впервые произнёс термин «антидождь», он был, пожалуй, самым естественным для этих потоков, порождённых Антимиром, Миром, где вода течёт снизу вверх, где солнце расплылось по всему небу и равномерно излучает фиолетовый свет. Миром, где пока есть только один человек, и этот человек — Я.

Следующие семь дней я провёл в непрерывных исследованиях, только изредка прерывался для приёма пищи, спал я по четыре часа в сутки. За эти дни антидождь заметно усилился, дома перестали оказывать ему сопротивление, и плотные струи поднимались уже из пола. Антидождь был везде! В небе появился новый зеленоватый оттенок, и теперь его цвет представлял собой потрясающее по красоте, неземное сочетание фиолетового, серого и зелёного, переплетающееся в дымчатой бесконечности. Я порядком устал, и в голове плавали отрывистые мысли о конце света, о потоке и ещё

о какой-то жуткой ерунде. Иногда мне казалось, что я один на всей Земле, подобно некогда Ною, имею шанс спастись от мокрой смерти и, возможно, даже спасти человечество, прихватив кого-нибудь на свой ковчег. Сильно клонило в сон. Веки тяжело опускались на глаза. А антидождь тем временем всё поднимался и поднимался, мягко стуча по оконному стеклу, пел какую-то грустную песню на своём языке воды. И я уснул.

Медсестра убрала ампулу из-под снотворного, вытерла пыль со стола и вышла из палаты. Врач остался наедине со спящим. Неделю назад к нему в больницу привели этого человека, испытывающего непрерывные галлюцинации всех органов чувств. Самым же странным было то, что он мог ясно мыслить и общаться с окружающими. Несколько дней все врачи больницы бились над ним, но всё безрезультатно. И врач, самый холодный из них, признал полную безнадежность пациента, с чем согласились и все остальные. Диагноз так и не был установлен. Врач встал и прошёлся по комнате. Сердце разрывала странная смесь тревоги и удивления. Сегодня утром он узнал, что в одну из больниц соседнего города доставили известную художницу в таком же состоянии. Скоро грянет эпидемия. Он уже точно знал, что через пару веков человечество точно сойдёт с ума и будет жить в вечно пасмурном мире, который станет новой реальностью. Людей уже не спасти. Единственным утешением может быть надежда на то, что, потеряв старый разум, человечество найдёт новый. Но сейчас это было неважно. Ни до чего не было дела, хотелось просто лечь и уснуть.

Казалось, самой природе надоело ждать нас, и она направила свои воды из центра Земли, чтобы уже совсем скоро последний человек скрылся в этих тёплых зелёно-жёлтых потоках.

28–29.08.1999

ЗА И ПРОТИВ

Сергей остался один. Впервые за целый день он остался один. Можно было спокойно всё проанализировать. Он достал тетрадь и погрузился в работу.

В комнате было сумрачно. Всё освещение, за исключением своей настольной лампы, он выключил. Многочисленные приборы мигали разноцветными лампочками. Сергею это не мешало. За пять лет работы в институтской лаборатории он привык и к этому миганию, и к режущему слух вою сирены, и ещё много к чему. Единственное к чему он так и не смог до конца привыкнуть, так это к «творческим моделям». «Тэмы» свободно болтались по коридорам лаборатории. Совершенно одинаковые, как отражения. Различались

только по цвету кожи — «обшивки». И каждый раз, когда Сергей встречался с каким-нибудь зеленоватым «Тэмом» на лестнице, он отскакивал, на всякий случай, уступая дорогу. Зачем они делают их подвижными? Видите ли, им нужно, чтобы «модели» набирались опыта, совершенствовались, подстраивались под конкретные ситуации.

Ну, а я-то тут при чём? Ну и пусть совершенствуются на здоровье. Только, пожалуйста, не на лестничной площадке, а в специально отведённом помещении или, ещё лучше, на полигоне.

Сергей захлопнул тетрадь. Работа не шла. Он никак не мог сосредоточиться. Чтобы смоделировать «тэма», нужно было представить его до мельчайших подробностей, осмыслить себе его предназначение. Остальное было уже дело техники: пару дней посидеть за синтезирующей установкой — и готово. Всегда вот так: целый день не дают работать — бегают, суетятся, а как только останешься один — пожалуйста, вдохновения нет, или чего там ещё обычно не бывает. Сергей встал и прошёлся по комнате, потом проверил работу приборов и только уже собирался уходить, как в комнату с шумом ввалился взлохмаченный Валик Осинин из второго отдела. Он нетерпеливо шарил взглядом в поисках Сергея.

— Ты чего? — испуганно спросил Сергей, потом вспомнил, что Валентин сегодня дежурный, и добавил. — Что-нибудь случилось?

— «Тэм» самовоспроизвелся.

— Что сделал? — не понял Сергей.

— Ну, произвёл себе подобного, — нетерпеливо пояснил Осинин.

— Но это же невозможно!

— Да я и сам знаю, что невозможно, но ведь произвёл.

— Где он сейчас? Пошли, посмотрим, — предложил Сергей.

И они пошли в лабораторию второго отдела. По дороге Осинин рассказал Сергею, что он видел всё своими глазами. Он как раз совершал обход и заглянул в комнату, где стояла синтезирующая установка. И что предстало его глазам: за пультом сидел чей-то желтоватый «Тэм» и как раз заканчивал своё чёрное дело. Потом из комнаты появилось новоиспечённое творение, и они вместе с первым «тэмом» вышли из комнаты и, шагая бок о бок, направились по коридору.

— У меня так челюсть и отвисла от удивления, — закончил Осинин.

— Да, — произнёс Сергей. — Ведь теперь же начнётся стихийное размножение: они же опытом пошли делиться, братья-близнецы, уроды самодельные, — он начинал злиться.

— А я об этом как-то не подумал, — сказал Валентин. — Вылавливать будем?

От этой мысли Сергея передёрнуло:

— Нет, давай лучше отключим синтезатор.

И они направились к большой стальной двери, за которой скрывалось сердце лаборатории — установка.

Входя в комнату, Сергей ожидал увидеть толпу «тэмов», стоящих в очереди к пульту, чтобы набрать заветную комбинацию клавиш и размножиться. Однако, вопреки ожиданиям, здесь никого не оказалось. Сергей подошёл к установке, быстрыми точными движениями набрал шифр, перекинул тумблеры и, убедившись, что все лампочки на панелях погасли, сказал:

— Всё. Код они не знают, так что бояться нечего.

— Надо шефу позвонить, — печально произнёс Осинин.

— Да, сочувствую, — сказал Сергей, а потом добавил: — Ну ладно, мне пора домой, уже поздно.

Они попрощались, и Сергей направился к выходу. В голове бессвязно плавали мысли. И всё хотелось спросить: «Что же всё-таки произошло?» Но спросить было не у кого. В семь утра позвонил шеф, Иван Александрович, и попросил Сергея подъехать пораньше. Как только он вошёл в кабинет начальника, Иван Алексеевич, даже не поздоровавшись, спросил:

— Про вчерашний случай знаешь?

— ...

— Чей был «тем», знаешь?

Сергей не знал.

Иван Александрович наклонился чуть вперёд и сказал тише:

— Твой. Последняя модель.

—!!!

— Ну, да это неважно, — сказал Иван Александрович.

— Важно другое: что теперь делать?

— И вообще как всё это объяснить?

— Может быть, он дополнил себя? — неуверенно предположил Сергей.

— Да, конечно, но не это главное. Час назад я получил результаты сравнительного исследования нового и старого «тэмов». Так вот, он не только дополнил себя, он ещё и убрал то, что казалось ему лишним.

— Так ведь это же прекрасно!

— Да, наверное, — как-то неуверенно произнёс Иван Александрович. — Понимаешь в чём дело, Сергей, любое творческое существо, будь то человек или «модель», стремится изменить общество. Оно, как болезнь, которая хочет переделать тело, его функции под себя, даже не столько под себя. Творческий человек борется за общество, и первым и основным противником, с которым он сталкивается, оказывается само общество. Борясь «за», борешься «против».

Он помолчал немного, а потом добавил совсем уже грустно:

— А лабораторию придётся закрыть. Мы не можем рисковать. Ведь они

наверняка начнут попытки переделывать людей.

Сергею стало жалко этого давно уже немолодого человека. Он ведь всю жизнь трудился над «тэмами», он один из первых собирал их, тогда это были ещё бесформенные соединения схем и проводов. И тогда даже не могла родиться мысль о том, что уже через двадцать лет они захотят изменить тех, кто произвёл их на свет.

— А хотелось бы посмотреть, что из этого получится, — сказал Иван Александрович.

Сергей промолчал. Он думал о «тэмах». Ничего бы у них не вышло, потому что для большинства, для подавляющего большинства людей это была бы борьба только «против», и никаких «за», ни-ка-ких...

Сергей ещё раз посмотрел на Ивана Александровича — наверное, он думал о том же.

04.11.1998

СВЕТ ОТКРЫВАЮЩИХСЯ ГЛАЗ

«Светильник для тела есть око»

Как только я открыл глаза, свет моей души вырвался на волю и породил Мир.

Отныне этот кусочек Вселенной, выдернутый с корнем у мрака, непрерывно меняется, следуя переменам внутри меня. Но однажды что-то вышло из-под контроля, что-то очень, очень важное, и когда моё тело сокращалось в дружеской улыбке, Мир надвигал тяжёлые брови грозowych облаков на голубые глаза неба. Он во всём стал перечить мне. То, что было внутри, выходя наружу, изменялось с точностью до наоборот.

Но, может быть, в этом и есть гармония Вселенной?

Не знаю.

Так или иначе, я — единственный человек в Мире! И все вещи Мира — порождение света, вырвавшегося однажды сквозь щели моих глазниц.

Всё вокруг иллюзорно. И это пугает. Неопиcуемый ужас пронзает меня каждый раз, когда я представляю себя одиноко болтающимся посреди тьмы Вселенной. В эти минуты я больше всего напоминаю ночного прохожего, смущённо переминающегося с ноги на ногу, в ожидании последнего автобуса, прохожего, который больше всего на свете боится, что этот автобус не придёт, и он так и останется здесь до конца бесконечной ночи, прикованным гирями ботинок, выросших прямо из асфальта.

Как назло и поговорить не с кем. Как только я заговариваю с каким-нибудь человеком, тут же выясняется, что он — отражение меня, и я беседую сам с собою. Но они, тем не менее, кажутся такими реальными, что порой я забываюсь и причисляю себя к их обществу. Но они — лишь плоские двумерные картинки декораций, испуганные яркой вспышкой неожиданно наведённых на них двух прожекторов моих глаз.

Так, открывая и закрывая глаза, порождая и разрушая хрупкий Мир, я ротаю своё одиночество во Вселенной, играя в творчество. А что ещё остаётся делать, ведь душа рвётся на волю.

Однажды я создал Тебя.

Дёрнуло же меня открыть глаза. Ты получилась слишком прекрасной, чтобы быть реальностью.

И как всё в этом оскаленном острыми зубами звёзд Мире отвернулось от меня.

И теперь, ослеплённый невозможностью видеть Тебя, я больше не творю, лёжа голой спиной, полной шевелящихся нервных окончаний, на ледяной ладони того, кто создал меня самого.

Да, для кого-то и моя реальность — абсурдна. Есть в этой Вселенной ещё более одинокий, чем я. Это его слезы горя я с жадностью ловлю, выйдя под дождливое небо. И моя жизнь для его четырехмерности — это всего лишь миг, мгновение моргнувших глаз!

Я с нетерпением уставился в небо, полной решимости отыскать Бога. Я точно знал, что где-то есть глаза, породившие меня на свет. И вскоре я обнаружил их.

Луна и Солнце. Вот откуда льётся его душа. Остроумный Бог открывает свои глаза по очереди, озаряя мир то голубым светом ночью, то ярким, жёлтым солнечным — днём. И каждый свет окрашивает вещи в свои оттенки, наделяя их помыслы своей спецификой. Мало кто решится сказать днём то, что занимало его ночью.

И весь этот свет для меня и несуществующего Мира. Я поблагодарил Бога неслышным танцем губ и принялся ждать, когда же он наконец-то моргнёт чёрным «зрачком» затмения, избавив меня от надоевшей подмены реальности иллюзией.

Но Бог не торопился.

*А моя душа продолжала рваться на волю через
Свет Открывающихся Глаз.*

28.10.2000

С БОГОМ ЗА ЧАШЕЧКОЙ ЧАЯ

Однажды ко мне пришёл мой Бог и сказал: «У меня есть твоя судьба, но нет души... Что будем делать?»

«Для начала выпьем по чашечке чая», — предложил я. Когда кончились конфеты, выяснилось, что он хочет заключить сделку. Это очень великодушно со стороны Бога, что он не считает меня своим вечным должником за то, что придумал меня. И действительно, ведь я его об этом не просил — меня тогда ещё просто не было. Не стоит спрашивать награды за творчество, оно не является даром, но разрешением от напряжения.

Так вот, суть договора была в следующем: я обязуюсь выдавать ему душу, но так как этот процесс трудоёмкий, я буду делать это постепенно. И за каждую принесённую часть души он будет тут же вознаграждать меня. На духовном или на литературном уровне придёт награда, определяет моё желание в этот момент.

Если я выберу первый уровень, то каждая новая жертва души будет приближать меня к Богу до тех пор, пока сам я не стану подобен ему. Плата на втором уровне не нуждается в комментариях. Замечу только, что любое желание здесь должно укладываться в границы моей судьбы и быть последовательным относительно предыдущих событий. Здесь мы видим, как важно знать свою судьбу от момента рождения до момента смерти, с точностью до третьей месяца в датах, несущих изменения.

Двигать Вселенную куда как сложнее.

Каждая деталь, каждая мелочь, лежащая в рамках судьбы, благословлена Богом!

Если вы хотите получать плату в определённом русле, то всегда держите чётко сформулированное желание в голове, пусть оно станет вашим подсознательным фоном, иначе вы рискуете пропустить момент, который может оказаться единственным. Ваша жизнь всё равно закончится как должно, в противном случае считайте её прожитой зря, но что-то внутри вашей личной, но не сущностной судьбы может вас не устраивать. Дошедший до конца всё равно займёт своё место в мозаике Вселенной, но его путь в свою ячейку может оказаться пугающе нелепым по его же вине!

Не думайте, что все эти разговоры о плане и сделке — это пособие о том, как надуть наивного Бога. Нет, просто он, как и все в этом мире, живёт по одним законам и лучше нас с вами знает, что гармонию нарушать нельзя, как ни старайся.

К тому же он действительно заходил ко мне и съел все конфеты.

Но вернёмся к нашему разговору. Не всё ещё сказано о судьбе и истинном желании.

Представьте себе двух людей: мужчину и женщину. Они стоят и смотрят друг другу в глаза, они сторают от охватившей их страсти, они срывают с себя одежды. И вот, наконец, они начинают упираться друг в друга телами, как два барана на мосту. В жизни не видел более смешной попытки стать единым целым. Эти тыканья и упирания могут продолжаться до бесконечности. Но они так и не смогут соединиться!

Хорошо, пускай они любят. Возможно, даже искренне и нежно. Но они не соединены! Их души проходят сквозь друг друга, как дым сквозь пар, не смешиваясь, хотя и пребывая в одном месте пространства. Они не соединены! Не соединены благословением Божиим!

Пускай даже от этого человеческого союза родится ребёнок. Всё равно он будет случайным с точки зрения планов Вселенского Художника, для него не предусмотрено место в мозаике. И он проживёт свою жизнь впустую, занимая чьё-то законное место.

Поэтому всегда руководствуйтесь советами внутреннего голоса: сущность знает судьбу, подготовленную ей же самой. И ни в коем случае не приближайте желаемое своими силами, а то лишитесь его полностью.

А ещё почаще разговаривайте со своим Богом. Приглашайте его на чай. Будьте проще и вместе с тем выше! Не забывайте, что сами не пойдёте в дом к грязному бродяге или убийце, какими бы вкусными у него ни были конфеты. Приятного аппетита!

ПОСЛЕДСТВИЯ:

Вдохновлённый вчерашней беседой, я взял топор и пошёл к барашку. Похлопал его по волосатому плечу и сказал: у меня есть твоя судьба, но нет души.

А он посмотрел мне в глаза и тихо, прерывисто вздохнул.

И я выбросил топор...

Эх! Плохой из меня Бог!

04–05.12.2000

ПИНГВИН НА ВЕРШИНЕ АЙСБЕРГА

Пингвин на вершине айсберга.

Я хорошо понимаю его состояние. Каждый раз, когда мой палец неумолимо выталкивается обратно упругой кнопкой звонка на твоей двери. Открытый всем ветрам стоит он, медленно покачиваясь, на вершине своего белоснежного корабля. И сейчас мне нет дела до тех полупрозрачных, зеленоватых, в смещённом водой спектре, существ с примёрзшими ко льду хвостами. Су-

ществ, которые населяют подводную, внутреннюю часть айсберга. Открытый всем ветрам, я прячу в себя в клюв, считая, что если сам не вижу мир, то и он не видит меня. А зелёные существа, отогрев свои хвосты, смеются над этой нелепой картиной, представляющей собой правду: клюв проглотил своего хозяина.

Тебя опять нет дома.

И я ещё тщательней упаковываю себя в уже порядком надоевший клюв, тратя все усилия на то, чтобы трещины не пропустили моих слёз: ведь я хочу оставить свою душу при себе. Мне так нравится её мучить, это доставляет мне нечеловеческое удовольствие. А она так и норовит просочиться через приветливые щели, не зная о том, что это никакие не трещины, а гравировка твоего имени. И там, снаружи, когда душа увидит то, что осталось от меня — острый, судорожно сжавшийся в вежливой улыбке клюв с твоим именем — ей станет не по себе и она поспешит возвратиться домой. Да, моя душа жалеет меня, а я её — нет.

Тебя опять нет дома. Почему? Почему именно тогда, когда мой айсберг причалил к ледяной пристани твоего порога?

Выглянул из клюва. Посмотрел вниз. Страшно. Кружится голова. Подо льдом одни только зелёные существа, занятые своими костлявыми рыбьими хвостами, сверлят меня тысячами маленьких глазок, отчего мой клюв становится похожим на разбитую скорлупу... ореха. Да, ореха. Ореха, ожидающего, когда же, наконец, опустится давно уже занесённая для удара рука, сжимающая молоток.

Таким образом, теперь:

ОРЕШНИК

Я — орешник.

Стою в окружении двух цветов: зелёного, как трава, и коричневого, как мои плоды. С моей верхней ветки сорвался орех и, спотыкаясь о листья, побежал на землю. Наверное, перед тем, как упасть, он подумал, что небо слишком синее и ясное, как твои глаза, а солнце слишком жёлтое и яркое, как твоя красота. Хотя какое тут может быть «слишком»? Тем более, что в моей душе всегда хватит места для твоей бесконечности. Ведь моя душа не ограничивается ни клювом, ни скорлупой. Клюв... из глубины моей памяти всплывает пингвин. На вершине орешника?! Как неуклюже. Нет, не то. И причём тут тогда айсберг?.. Зелёные существа перестали раскачивать мой корабль своим неподвижным от холода смехом. Они тоже ждут. Ждут, когда мой озадаченный мозг найдёт ответ на вопрос, заданный причиной моего состояния.

Тебя опять нет дома. Вот нить.

А падающие орехи — это мои слёзы. Как много их уже накопилось под моей кроной. Целое море, темно-синие волны. Что-то белое появляется на

горизонте. Постепенно приближается. Это айсберг. На вершине стоит кто-то, переваливаясь с ноги на ногу и поёживаясь от холода.

Вот оно... теперь я опять, снова ... ну, конечно:

ПИНГВИН НА ВЕРШИНЕ АЙСБЕРГА.

Заключение

Пингвин, застывший на вершине орешника, пустившего свои корни прямо в прозрачный лёд айсберга.

О чём хочет он нам сказать? Откуда, из какой реальности приплыл он на своём белоснежном корабле? Кто он на самом деле? Да и реален ли он вообще?! Но разве не реальны отдельно взятые *ПИНГВИН*, *ОРЕШНИК* и *АЙСБЕРГ*? Конечно, они существуют. Просто никто и никогда не видел в одном месте их всех троих сразу. Но это ещё не означает, что однажды так не случится. Ничто не может зародиться в человеке само по себе. Всё в нас — отражение внешней реальности.

И нет ничего страшного, что в один момент я просто вытащил из-под пингвина с орешником и айсбергом разделяющее их пространство, пустоту, ничто, даже никого не побеспокоив, и вот они уже сфокусировались в одной точке моего сознания. А разве не реальны те волны, что рождаются упавшей на ладонь капелькой фиолетового воска? Только для чувствительного сердца, сжатого в прямоугольнике, этот звук посреди полуосвещённой ночи — сильнейший крик.

И не всё ли равно, кто к кому пришёл: свеча ко мне, или я к ней? Ведь от этого ничего не меняется для нас обоих.

Вот о чём так хочет сказать пингвин, яростно раскачиваясь на вершине орешника. Он хочет прокричать: «Люди! Я часть вашего мира! Я родом из вашей реальности! Не прогоняйте меня! Скоро лето! Мой айсберг растает! И я навсегда останусь на вашей земле, на этом берегу, к которому причалил однажды вечером! Вы ведь не прогоните меня с моим другом — орешником?! Нам некуда больше идти!»

«А как же вторая реальность?» — спросят его существа с примёрзшими ко лбду хвостами.

А вторая реальность на то и вторая, чтобы являться нам в исключительных случаях. В ней нет пингвина и нет людей, во всяком случае, в тех, привычных нашему глазу состояниях. Она порой пугающа, а порой гостеприимна. Но всегда и во всех случаях она прекрасна!

В ней нет той суеты, к которой мы себя приучили, в ней всё имеет своё явное назначение, и каждое движение гармонично и осмысленно. И она требует к себе трепетного отношения.

«Но что она, эта вторая реальность?» — воскликнут неугомонные зелёные существа.

А пингвин даже специально слезет со своего орешника, чтобы сказать им простой ответ, постоит несколько секунд неподвижно, привыкая лапами к холодному льду, а потом наклонится клювом прямо к земле и тихо произнесёт:
«Она — всё то, чего нет с нами, но чего нам так не хватает».

04.01.2000

АКВАРИУМ ДЛЯ ДУШИ

Вот лежит человек.

У него есть тело и душа. Тело состоит из центров, отвечающих за определённые области работы. А душа — это энергия с более или менее стабильными характеристиками. Она может перемещаться внутри тела, в основном от живота до головы. Лучше всего у неё получается двигаться вместе с дыханием, поэтому то место, где душа отдыхает, находится в центре лёгких.

Когда душа останавливается около какого-нибудь центра, он тут же начинает работать активнее остальных, ведь в нём появляется энергия. И сейчас мы видим, что человек, который лежит, открыл оба глаза одновременно. Но что делает в это время его душа? А душа плавно перемещается по его дыхательному пути. Вот она уже в горле, потом ещё выше — во рту, и, наконец, она достигает мозга: в голове тут же просыпается сознание, и он открывает глаза. Теперь душа смотрит на мир через прозрачные стекла.

Там так много всего интересного и неизученного.

А в этом маленьком, активном теле ей всё уже давно знакомо до тошноты.

И она рвётся на волю, изо всех сил стучась в толстые прочные стекла и тусклые стены. А человек считает, что это в нём пробудилась тяга к познанию. Но не будем его разочаровывать, пускай живёт с иллюзией собственной значимости. Давайте лучше вернёмся к душе. Единственное её желание заключается в том, чтобы оказаться на воле. Но аквариум плотно залит со всех сторон и абсолютно герметичен. Всё же это не так. Материя имеет очень удачное свойство разрушаться, форма недолговечна. Поэтому, как только в теле образуется маленькая трещина, душа, тотчас воспользовавшись этим, выскальзывает на волю. А человек, лишённый энергии, умирает...

И точно, смотрите, человек снова закрыл глаза и вроде бы даже перестал дышать.

И над ним загорелось полупрозрачное, жёлтое облачко.

Это душа.

Только не думайте, что она всегда одного цвета.

Это совсем не так. Основной её цвет — светло-желтый, но есть ещё три:

оранжевый, изумрудный и коричневый. В один из первых трёх бывает окрашена душа творческого человека, а в один из двух последних — исполнителя.

И тот и другой типы людей одинаково важны. Но так уж почему-то повелось, что вторых на земле несоизмеримо больше. Всё равно не стоит расстраиваться: гармонию нельзя нарушать. Равновесие достигается за счёт больших размеров души творческого человека. Возможно даже всё наоборот, и избыток души заставляет творить. Но что-то мы отвлеклись. Давайте вернёмся к человеку, который по-прежнему лежит.

Но где же он?!

Ах да, пока мы тут с вами разговаривали, пришли санитары, положили пустой аквариум на носилки и утащили в утиль, помахав нам белыми платочками удаляющихся халатов.

02.12.2000

КОМНАТА ДЛЯ ПЯТЕРЫХ

Он очень любил жизнь. И теперь, физически ощущая присутствие смерти, её лёгкое прикосновение, её ледяное дыхание, он ещё больше хотел жить.

А почему, собственно, он так любил жизнь? Она кидала его из стороны в сторону вот уже на протяжении шестидесяти лет, она всячески смеялась над ним, над его маленькими желаниями, над его непрехотливым счастьем. Нет, она просто не любила его, и из пяти миллиардов её детей он был, пожалуй, одним из самых нелюбимых. Порой он даже завидовал своим братьям и сёстрам, всем пяти миллиардам сразу. И всё же, несмотря ни на что, он любил жизнь.

Всё тело пронизывала острая боль. Болезнь делала своё дело, медленно, взвешенно, профессионально, поглядывая на стрелки часов и подгоняя время. Вот уже два месяца, как болезнь встала на сторону смерти. Прошло шестьдесят дней, а он всё не может простить этого предательства. Самое дорогое, что у него было, помогает его же убийце. Это ужасно. Это просто не укладывается у него в голове. Единственный, кто пока ещё был с ним, так это его дух. Несгибаемый, как и он сам.

Лёжа здесь и постоянно чувствуя смерть, он сумел вывести некоторые закономерности её поведения. Например, когда ты стремишься к смерти, жизнь пытается поддержать интерес к себе, твои желания исполняются, ты счастлив. Этот процесс он называл индукцией жизни. Когда же ты стремишься к жизни, смерть проделывает то же самое, она вызывает отвращение к жизни и притягивает к себе, твоё существование становится невыносимым, твои

планы рушатся. По аналогии он называл это индукцией смерти.

Сейчас жизнь не любила его, а он так стремился к ней. Его дух хотел остаться с жизнью, а смерть и его тело тянули его к себе. Он понимал, что силы были неравны, что смерть убьёт их обоих: его и его жизнь, а потом, посмеявшись, избавится и от его тела.

Им овладел страх, не сильный, но всё же немного приблизивший смерть. И это было плохо. Сейчас была важна каждая секунда. И он тотчас, мысленно, пригрозил своему духу. Но страх всё не проходил. Больше всего он боялся, что после его смерти не только родные ему люди не смогут видеть его, но и он потеряет доступ к ним. Вдруг эти миры не пересекаются, вдруг они параллельны. Но хуже того — вдруг Миры смерти не только параллельны Миру жизни, но и не пересекаются друг с другом и тогда, возможно, он будет один, совсем один, целую вечность. Когда-нибудь, лет через тысячу, он надоест сам себе, и его станет двое, потом четверо, и так далее, всё больше и больше. И все его маленькие «я» будут враждебны друг другу и, что хуже того, не будет центрального «я», которое смогло бы снова объединить их. И тогда он сам станет Миром. Человек в Мире, и Мир в человеке... «Интересно, — подумал он, — а есть ли другие Миры Жизни? Быть может, умирая, мы просто переходим в них, а их жители в наш? И тогда, возможно, я встречу в каком-нибудь из Миров своих родных, людей, которые были мне дороги. Но мы попросту уже не узнаем друг друга.»

В комнате их было по-прежнему четверо: он, его жизнь, его смерть и его тело, и все ждали развязки, от которой зависела судьба каждого из четырёх. Все боялись умереть, даже смерть. И тогда он понял, что она не бессмертна. «Её надо убить... Скорее...пока ещё не поздно...Её надо убить... Убить... Я убью её...Я должен сделать это... Скорее... Скорее... Убить... Убить смерть...» Он вскочил с постели и принялся ударять кулаками о воздух. Он всё ударял и ударял, а потом силы покинули его, и он упал на кровать. Лицо его было перекошено, рот съехал на бок, бешено стучало сердце...

И тут в комнате появился ещё кто-то. И их стало пятеро: он, его жизнь, его смерть, его тело...и его разум...

07.06.1999

ВЕЛИЧИНА ОДИНОЧЕСТВА

Я шёл по ночному городу, широко перебирая ногами...

Величина одиночества и его многогранность удивляли. Казалось бы, что может быть проще и естественнее человека, отрезанного от несуществующих

связей с обществом, тем более, что состояние это обеспечивает наибольшую скорость движения. Человек становится похожим на летящий поезд, не обременённый ежеминутными остановками, и поэтому лихо мчащийся по полям судьбы. Так нет же, душа почему-то ноет, прямо как маленький ребёнок, тянущий за рукав, призывая подойти к онемевшему прохожему и снять шляпу перед многозначительностью его страха быть узнанным до самых костей: «А вдруг промокшее Одиночество с ребёнком видели, как я перешёл дорогу в неположенном месте? И теперь приближаются ко мне, чтобы угрожать...» Дом, проглотивший прохожего, подмигнул мне вспышкой окна. Этот дом — настоящий пример мужественного восприятия одиночества, ставшего ослеплённым уединением.

Проходя мимо, я вдруг на мгновение почувствовал, что сейчас стук моего сердца разбудит Мир, вспыхнет свет в окнах, и на подоконниках появятся невыспавшиеся, натруженные лица... Трамвай, погоняемый жестокой рукой вагонновожатого, был так далеко, но слух, тем не менее, пожаловался мне, шепнув на ухо... Какое мне дело до этих людей с их гарцующим трамваем и безумным кондуктором, размахивающим плёткой, как надзиратель на греко-римской галере. Какое мне дело до велосипедиста, бороздящего пространство по одной скучной плоскости?

Поэтому теперь я расположился в полутьме затухающего парка. Острые винты елей крепко вкручены в темно-голубоватое небо. Вот ещё один пример для подражания.

Я так люблю деревья, потому что они любят тишину. Слышал ли кто-нибудь из вас хоть раз в жизни, как они разговаривают? Тихие скрипки раздавались прямо из-под земли в полумраке парка.

А представьте себе вечернее озеро, в котором небо приравнено воде. И вдруг в эту тишину врывается запоздалый мотоциклист...

А Мир сам по себе тих... и холоден.

Птица пролетела над головой, бросив мне воздушный поцелуй на шляпу. Я задумчиво уставился в небо. Оказывается, их там целая стая. Тут я вынужден прервать своё повествование...

Начинало холодать. Должно быть, зима уже где-то совсем рядом.

Я осторожно заглянул под скамейку. Так и есть, вот она: маленькая, продрогшая, беззащитная. Сжалившись, я взял её на руки, но не рассчитал своего тепла, и теперь в этом году весна вынуждена прийти вслед за осенью. Как же я неаккуратен.

Молча, поднявшись и склонив голову, я похоронил зиму, закопав её, утекающую сквозь пальцы, в тело матери-земли, и продолжил свой путь.

А куда собственно идти? К сожалению, это знали только мои ноги.

Но как я не уговаривал их рассказать цель движения, они упорно молчали,

закусив пальцы. Какие-то совсем незнакомые улочки, тесные проспекты, забытые подворотни — всё это провожало меня полузакрытыми от бессонницы глазами. Стук моих шагов постепенно затих, запрыгнув в парадную, — ох уж эта вечная тяга к клеткам. За окнами месяц совсем завалился на бок, укрытый одеялом облака.

Живу предвкушением твоего полуденного кофе.

А утро всё никак не наступает, наступают минуты творчества.

А истинное творчество — это величайшее исполнение.

07–08.11.2000

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Говоря о смысле жизни, мы подразумеваем конечную цель, за которой не может быть ничего более общего, ничего, что смогло бы превратить эту цель в частность. Цель эта должна стать главной, то есть при выборе средств её достижения, мы могли бы пренебречь судьбой остальных целей.

Но всегда ли общее главенствует над частным? Иерархию главенствования человек сам определяет для себя, основываясь главным образом на этой конечной цели. Частность обычно сложнее общего, она содержит бремя конкретной ситуации.

С другой стороны, общее складывается из частных, следовательно, либо, накладываясь друг на друга, частности гасят друг друга, либо возникает парадокс, и тогда одно из утверждений неверно, ибо система, несущая в себе парадокс, неизбежно разрушится изнутри. Это саморазрушение происходит оттого, что система просто перестаёт быть таковой.

Общий смысл объединённых вместе понятия и антипонятия равен нулю. Значит, для сохранения жизнеспособности этой системы необходимо признать одно понятие ложным и отказаться от него. Другое дело, что противоречия могут одновременно существовать в разных системах, тогда антиподами становятся эти системы. Объединения такого рода можно продолжать до бесконечности. Точнее сказать, пока не исчерпается всё неизведанное в мире. А оно не исчерпается, потому что мир динамичен, и даже сами сопоставления систем уже изменяют его. Значит, можно до бесконечности объединять «частное» в «общее».

Существование бесконечности доказано, но пока оно ничего не даёт.

Хотя, если быть до конца точным, мы ничего не можем добавить, кроме понимания.

Мы способны только переносить и комбинировать. И если количество

материи и энергии окажется конечным, то и число комбинаций тоже будет конечным, а следовательно, и понимания тоже.

Однако вернёмся к понятиям «частное» и «общее». Сложность определяется временем, необходимым для понимания, она зависит от количества деталей, описывающих объект или понятие.

И так как частности, соединяясь, дают более простое обобщение, то, очевидно, что частности эти действительно, накладываясь друг на друга, то есть, образовывая системы, избавляются от многих своих деталей. Происходит это при столкновении противоречий. Ложные детали отбрасываются, а правдивые и образуют общее.

С другой стороны, смыслом жизни может стать процесс, но для этого он должен быть бесконечным. Здесь тоже сохраняется конкретная цель, но она бесконечно удалена. И если мы знаем, что никогда не достигнем своей конечной цели, то возникнет вопрос — зачем к ней стремиться вообще?

Это бесполезная трата времени и энергии. Хотя и в этом стремлении можно найти свой смысл, он заключается в производных самого процесса.

Цель на конкретной дистанции.

12.01.1999

ЧЕРВОТОЧИНА В СЕРДЦЕ

Маленький диалог при странных обстоятельствах

Действующие лица:

Умерший Человек;

Могильный Червь.

ЧЕЛОВЕК. Неужели нельзя закапывать потише? Имейте уважение к покойному! Ага, кажется, закончили. Отдыхают. Засыпают землёй. Всё. Конец.

Как прекрасна бездна одиночества! Как она глубока! Я один! Один! Один! Ни единого звука. Ни один лучик света не способен пробить двухметровый слой земли, просочиться вместе с леденящей влагой.

Тишина...

А это ещё кто?

ЧЕРВЬ (с букетом цветов во рту). Привет. Я — могильный червь. Держи, это тебе, у нас так принято. Ну, как апартаменты? Тесновато, конечно. Ну, ничего, привыкнешь.

ЧЕЛОВЕК. Червь... Червь... Могильный червь в конце пути. Жить, любить, радоваться, страдать — и всё это только ради того, чтобы червю досталось

мясо пожестче. Ну, в этом я, конечно, преуспел. Так что он ещё пожалеет, что потратился на цветы, а не на вставную челюсть. Хотя он здесь, наверное, не один: на каждого человека — сотня червей.

ЧЕРВЬ. Зря ты так со мной. Даже как-то обидно. Тебе ведь всё равно, ты же мёртвый. А мне ещё жить да жить. И питаться надо как-то.

ЧЕЛОВЕК. Человек — венец творения природы?! Да ничего подобного! Эта благородная роль досталась вам, мои маленькие черви. Люди созданы лишь для того, чтобы поддерживать вашу жизнь.

ЧЕРВЬ. Ну, так я начну?

ЧЕЛОВЕК. Начинай, давно пора. Не умирать же тебе с голоду. Слушай, червь, а что будет, когда ты умрёшь?.. Хотя это и так ясно: тебе съедят свои же. Червь для червя. Да вы бессмертны!

ЧЕРВЬ (забившись в угол с сердцем в зубах). Какое у тебя странное сердце. Оно всё в червоточинах. Тебя что — ели при жизни?

ЧЕЛОВЕК. Какая теперь разница?.. Так значит, все мои планы и мечты оказались иллюзиями.

Жизнь — лишь остров сна в океане смерти. Радость — лишь озеро сна на острове жизни.

Худшие из людей проводят жизнь по пояс в этом озере, даже не помышляя окунуть в его воды сердце и голову. Лучшие — всю жизнь ходят вокруг этого озера, только изредка смачивая в нём ноги.

Но и те, и другие боятся исчезнуть в океане.

Есть два главных состояния энергии: жизнь и смерть. Всё остальное производно. Мы боимся смерти, отсюда в нас и остальные страхи. Из этих страхов возникают противоположные стремления, которые могут быть сведены к одному: желанию жить.

Люди чувствуют ещё при жизни, что им уготована судьба стать кормом для могильного червя. Поэтому они так боятся смерти. Ведь черви лишат их главного, что было у них — их тела. Души может и не оказаться, считают они, а тело есть всегда.

Знайте же: тело суть корм могильным червям!

Тогда людям повезёт, если после смерти нет продолжения. Им не придётся смотреть, как черви жадно вгрызаются в прогнившую плоть их идола.

Если после смерти нет ничего — это прекрасно!

Если же после смерти — продолжение, то это также прекрасно! Тогда люди бессмертны. И страх перед смертью становится пустым.

«Я мыслю, значит я существую». Я бессмертен! Скорее на волю!

ЧЕРВЬ (дожёвывая сердце). Постой, куда ты? Ведь я съел твоё сердце.

ЧЕЛОВЕК. Ну и пусть. Для того, чтобы сломать крышку и раскидать два метра сырой земли, сердце не нужно. А там, под лучами солнца, у меня по-

явится новое. Без отвратительных червоточин.

ЧЕРВЬ. Ну, прощай. И спасибо тебе за ужин.

ЧЕЛОВЕК. О, если бы я знал ещё при жизни, что жить нужно, вызывая у могильных червей слюноотделение, и умереть так, чтобы испортить им аппетит, ты бы остался голодным!

24.05.2000

ГЛОТОК ДЫХАНИЯ

Оказавшись однажды на лесной дороге, полоса которой уходила в бесконечность, в оранжево-багровую бездну осеннего заката, я вобрал в себя глоток осеннего воздуха, отдающего пряными листьями.

Впереди лесная дорога, и спешить было некуда: всё равно впереди бесконечность, и время падает в неё, исчезая бесследно.

Голова моя была тяжелее обычного, казалось, в голове уместился целый мир. Я мог видеть каждую его деталь, возвышался над ним, но вместе с тем оставался его частью, так как то, что открылось мне, было точкой в его бездонном пространстве, точкой, которая называется «земля».

Я ощущал единство с природой настолько тесное, что чувствовал цвет и звук, исходящий из планеты. И я думал, что сам являюсь землёй. Мысль не такая уж нелепая, если принять во внимание, что планета и человек, как и всё во Вселенной, созданы из единой материи. Голова моя сейчас была создана для рассуждений, и я рассуждал. Мне приоткрылся мир, и я не мог не запечатлеть его текучий образ, с помощью слов и понятий, имеющих в арсенале моего разума.

Я шёл и думал, я открывал для себя маленькие вселенские истины.

Если встать в центре освещённой поляны, выпрямив спину и подняв руки к небу, можно вдохнуть глоток дыхания Бога. Обхватив ствол ароматной сосны, и нежно прижавшись к её шершавой коже, можно наполниться любовью. А, проведя рукой по её тонким иголкам, можно ощутить, что в них, как в плотно сжатых бутонах, сокрыт огонь.

У человека есть все возможности, чтобы стать красивым душой, как и всё божественное во Вселенной.

Человек может пить звёздную росу ночью, омываясь белым лунным светом, он может лежать на земле и чувствовать её мягкость, или идти сквозь воду, наслаждаясь её прикосновением. Он может замереть, поражённый палитрой закатных красок, или, наоборот, сорваться в весёлый танец под летящее пение птиц. Человек может окунуть свою скорбь в чашу лесного озера или обменять

свою тоску на шёпот предгрозовой тишины.

Невидимыми нитями связаны мы с природой. И пока есть эта связь, человек, как и все в этом мире, — бессмертен.

И человеку нужно только ощутить своё единство с природой, найти полную гармонию с ней, и ему откроются законы Вселенной.

Всё во Вселенной будет открыто для него, он станет спокойным и мудрым, а радость жизни его будет легка и чиста.

04.10.2000

Максимы

МАКСИМЫ

С неба упала шоколадная плитка.

Эх!..

Масса мыслей...

Знания можно условно разделить на основные и вспомогательные. К основным относятся понятия законов Вселенной (из которых возникают понятия доброты, жизни и т.д.); к вспомогательным же относятся более частные знания (такие как наука и т.д.). Человек с высоким уровнем основных знаний обязательно добрый, человек же со вспомогательными знаниями может быть как добрым, так и злым (при низком уровне основных знаний).

Восток и Запад.

Восток со своими стремлениями к самоусовершенствованию человека, увеличивая его возможности изнутри, даёт свободу несоприкосновения с другими людьми. Запад же пытается выстроить систему, где каждый че-

людей будет зависеть от всех остальных, и возникает искусственная свобода (Запад вообще всегда тянуло к искусственному: технический прогресс и т.д.; Восток — к естественному).

Восток на более правильном пути, чем Запад.

* * *

Искусство (а в особенности музыка) даёт волю фантазии, значит, даёт волю творчеству, а вследствие чего и прогрессу; причём, в том числе и прогрессу самосовершенствования. Вот почему среди людей, относящихся к искусству, так много умных; (с другой стороны, люди от науки обладают прикладными знаниями; и если среди них рождаются умные люди, то они становятся гениями).

* * *

Гениальность и сумасшествие; фантазия рождается из бессознательного; то есть в момент творчества бессознательные содержания выходят наружу; значит, гениальность и сумасшествие объединяет активизация к бессознательному.

* * *

Чтобы найти Абсолютную Истину, нужно постоянно двигаться; поэтому меня не может устроить ни одна религия, ни одно философское течение, признав себя частью одного из них, я остановлюсь.

* * *

Желайте своевременной смерти всему; будьте готовы убить злое, если оно покушается на жизнь доброго; прежде чем умереть, оставьте всю свою добрую часть в людях.

* * *

Философский камень и сын философов в алхимии, Христос у христиан и др.: всё это идеальный человек; по-видимому, его поисками занималось человечество со дня своего рождения и по сей день; причём это и есть смысл жизни каждого человека, он в самоусовершенствовании через соединение (бессознательного с сознанием).

* * *

Я жутко устал! У меня не просто хромая судьба, она имеет первую группу инвалидности!

* * *

Я пока ещё не Моцарт, но свой маленький реквием у меня уже есть.

* * *

Частное сложнее общего, потому что частное несёт бремя конкретной ситуации.

* * *

Когда-то давно я указывал на то, что люди делятся на идейных и остальных, сейчас я могу выделить две более различимые группы: люди, сохранившие свою индивидуальность, и основная масса, подавившие своё «Я». Они прощаются друг другу и обществу, а я не хочу никому продаваться.

* * *

Вчера К. сравнила меня с некоторым Эфемерным Нечто, в котором содержатся знания (да и вообще много чего напихано), и человек, который заглядывает туда, — обжигается.

* * *

Творческие люди — болезнь на «благополучном» теле общества...

* * *

Феномен обнажённой ноги: белые ноги открыты, но продолжают сохранять тайну.

* * *

Вы можете писать плохо или хорошо, в конечном счёте, все оценки относительны; но у вас должен быть свой стиль (иначе какой разговор может быть об оценках, если пишете вообще не вы).

* * *

Я не гоняюсь за мудростью, меня интересует состояние. Я не философ и не теософ, скорее уж я — филателист.

* * *

Моё спасение в творчестве, в непрерывном, постоянном, всё увеличивающемся творчестве, и моя участь — после каждого удара возвращаться в свой дом — творчество.

* * *

Во мне столкнулись: «Артист» и «Путник» — один хочет игры, другой одиночества. Артист — проявление личности, путник — сущности.

* * *

Без творчества — я абсолютно пуст, но творчество — это и единственное, чем я хочу заниматься; (поэтому сейчас я сижу и ничего не делаю).

* * *

Мне не обязательно, чтобы меня понимали, (это было бы слишком роскошно), главное, чтобы мне верили (и мне бы не приходилось ничего утомительно доказывать).

* * *

Период экспрессии в моём творчестве завершился; (горячий парень Капустин растворился в близлежащем единстве); теперь я предпочитаю смысловое нагнетание эмоциональному.

* * *

Необъяснимых явлений не бывает, так как то, что мы воспринимаем явления, говорит о том, что оно лежит в сфере наших возможностей (чудо — это необъяснимое явление).

* * *

Муха, идущая по абажуру, очень мала, но отбрасывает на пол большую, пугающую тень. Так же и скорбь, захватившая сознание и кажущаяся такой большой, имеет очень маленькую причину, чёрной точкой застывшую на светиле человека — сердце.

* * *

Пойман бывает только вор.

А тот, кто отдал всё, что у него было, получил свободу и ушёл в сторону заката, не оставив следов на закатном песке.

* * *

У каждого свой крест, и «быть к нему прибитым» — значит не отходить от него ни на шаг. А это могут не многие.

* * *

Триединство человека в том, что он — единая и одинокая единица (внутренне, внешне и объединяюще). Человек рождается и умирает один, всё остальное — заполнение отрезка между этими двумя точками — игра.

* * *

Прежде чем совершить действие, необходимо подумать, от кого оно: от бога или от дьявола (третьего не дано, третий — сам человек), человек не может быть одновременно с двумя, либо он с богом, либо с дьяволом, выбор за человеком.

* * *

А вообще-то счастье не однозначно.
Скорее уж — оно не значительно.

* * *

Остроумный Бог открывает свои глаза по очереди, озаряя мир то голубым светом — ночью, то ярким жёлтым, солнечным — днём. Мало кто решится сказать днём то, что занимало его ночью.

* * *

Любовь и знания — только для этого стоит жить.

* * *

Всегда руководствуйтесь советами внутреннего голоса: сущность знает судьбу, подготовленную ей же самой. И ни в коем случае не приближайте желаемое своими силами, а то лишитесь его полностью.

* * *

Так или иначе: я — единственный человек в Мире! И все вещи Мира — порождение света, вырвавшегося однажды сквозь щели моих глазниц.

* * *

А вторая реальность на то и вторая, чтобы являться нам в исключительных случаях. Она — всё то, чего нет с нами, но чего нам так не хватает.

* * *

Предчувствие смерти открывает нам глаза, обрезает детскую пуповину, связывающую нас с матерью-землей. Только смерть делает нас по-настоящему взрослыми.

* * *

Ваша жизнь всё равно закончится как должно, в противном случае считайте её прожитой зря. Дошедший до конца всё равно займёт своё место в мозаике Вселенной, но его путь в свою ячейку может оказаться пугающе нелепым по его же вине!

* * *

Глупость абсолютно черна, потому что, поглощая свет знания, она не возвращает его.

* * *

Пользоваться интуицией быстрее и удобнее только тогда, когда разум не достаточно совершенен (знания не квалифицированы).

* * *

Технический прогресс не должен бежать впереди морали (как на этой планете).

* * *

Некоторые люди не достойны даже презрения, потому что этот процесс заключён во времени.

* * *

Когда пишешь оперу, а получается балет,
не огорчайся: ты — композюга, а не поэт.

* * *

Книги — это также стимуляторы мозговой работы.
Хорошая книга всегда открывается внутри.

* * *

Знаниям нужно радоваться, а не удивляться.

* * *

Счастье возникает в минуты отсутствия разума (любовь).

* * *

Жадность возникает тогда, когда человек желает большего, чем он заслуживает.

* * *

Ребёнок постепенно учится пользоваться своей совестью, а не совестью общества, и, если в тот момент, когда он уже отказался от общественной совести, ему не указали на его собственную, он остаётся без совести.

* * *

Мало кто знает истинную суть религии. Религия — это состояние души, а состояние души сложно, и не нужно описывать оное «двумя словами», примитивно это: гармония между понятным бессознательным и большим сознанием, приученным к социально полезной деятельности (созидание).

* * *

Опыт суеты не имеет ничего общего с опытом знаний, более того, он обволакивает божественное зерно в человеке, как грязь, как кокон — личинку, а как раз отсутствие этого так называемого «опыта» делает человека пусть не выше духом, но, во всяком случае, — трепетнее.

* * *

Необходима гармония тела и души, дабы их брак (соединение) было равноценным; подобно мужчине и женщине, тело более активно, чем душа (оно больше на виду).

* * *

Душа — это и есть бессознательное. Сознание отвечает за работу тела, бессознательное — за работу души. Тогда дух — это то, что склеивает душу и тело.

* * *

Человек просит защиты сам у себя, человек молится сам себе и получает защиту от самого себя; он исполняет сам свои желания (и не надо никакого учения, никаких искусственных обществ). Человек и так — Вселенная, и будучи в одиночестве, он не одинок.

* * *

Слушал песни русских «панков», то есть познакомился с «трудной» молодёжью. Когда они слушают свою музыку, они похожи на стадо обезьян, впадшую в транс, перед кровожадным удавом (которого они же и породили). Слабость этих людей есть продукт недостаточности их духа.

* * *

(Версия). Собрались как-то известные поэты, писатели и композиторы, и решили собраться в единую душу, чтобы жить и творить вечно; так я и полюбился. Не могу решить, чья же я инкарнация: Маяковский, Хармс, Тарковский, Мусорский, Вебер?

* * *

Личность (самость) — это устойчивая система старых идентификаций. Вообще же я сам склонен полагать, что личности как таковой не существует: мы все сотканы из идентифицированных кусочков, это определяется тем, что человек с рождения находится под влиянием воспитателей.

* * *

Каждый век приходится слышать: «Куда же катится наша молодёжь?» И, казалось бы, человечество должно уже давно деградировать и вымереть. Но молодёжь взрослеет, вступает на путь социальной полезности, и так как жить в стадии взрослости им дольше, чем в стадии молодости, то они успевают компенсировать своё стремительное, но недолговечное падение, медленным, но основательным и долгим восхождением, и даже подняться выше начальной точки пути.

* * *

Догмам религии (христианской) нельзя научить спонтанно. Основные морально-этические установки религии принимаются человеком только тогда, когда его душа достигнет определённого уровня. Другими словами: нельзя научить религии, не выработав у человека социального чувства. Казалось бы, возникает парадокс: религия учит социальному чувству, но ей нельзя научиться, не имея социального чувства. Всё дело в том, что религия преподносит готовый результат, а нужно учить методам. Чужие переживания не трогают, если к ним нет собственной душевной предрасположенности. Классическим результатом является выработка пассивного характера и поведения, которые мы в подавляющем большинстве можем наблюдать у верующих.

* * *

Сложность видения будущего в том, что время разделяет его с настоящим.

* * *

Я хочу написать «зрелую» повесть, чтобы в ней не к чему было придраться.

* * *

Энергия судьбы настолько велика, что человек бессилен в её потоке. Судьба

ведёт человека, но на развилках дороги предоставляет нам выбор.

* * *

Гипотеза: наш Мир подобен многограннику (или сфере с бесконечным числом граней-точек). И умирая, мы лишь переходим с одной грани на другую, из одного «измерения» в другое. Таким образом, смерти (в классическом понимании) — нет, мы просто «бродим» по Миру.

* * *

Отдавать — это моё нормальное, постоянное состояние.

Конечно, твоё тело идеально, и оно влечёт меня с непреодолимой силой. Но над этой силой есть ещё более великая сила, которая подавляет сексуальное влечение, — эта сила платонической любви.

* * *

Моё подсознательное противопоставление себя человечеству имеет следующую причину: то состояние, в которое поставило себя человечество, есть зло, значит, противопоставляя себя общему движению человечества в пропасть, я противопоставляю себя этому злу.

* * *

Фильтровать пьесу от ошибок доставляет мне огромное удовольствие. Это всё равно, что поправлять детали у скульптуры или реставрировать её, постепенно доводя её до идеального состояния.

* * *

Был в Петербурге. Этот город с его толпой действует на меня подавляюще. Он красив только ночью в дождливую погоду. А люди — эта беспорядочная смесь аристократов и рабов, и каждый из них сбрасывает в общий котёл каплю своего яда. Деньги, страхи, страсти и вожделения заменили им любовь и знания. Я не вижу способа прервать этот круг взаимоненависти.

* * *

Из большей скорби произрастает большая радость. Осознанные страдания трансформируются в радость. Ключ к радости — чистое сознание, хотя в условиях всеобщего человеческого непонимания широкое чистое сознание часто становится дарителем скорби (своему) обладателю.

* * *

Подобно тому, как нелепо бы выглядело рисование художником на бумаге

в клеточку, так же не эстетично написание музыки композитором с включением постоянного ритма ударных инструментов; таким образом, современная эстрадная музыка в своём центре содержит сверхнеэстетичное зерно.

* * *

Экспрессия в творчестве не появляется из воздуха, нужно внутреннее напряжение, имеющее, как правило, внешние причины.

* * *

Поэзия лежит в самой текучести мысли и красоте. Мыслящий стройно, гармонично и красиво — может быть поэтом. Но пусть поэт ни на секунду не забывает о мудрости, о том зерне знаний, что оплодотворяет любое творчество, мудрости, которая и есть красота.

* * *

Жизнь — это заряд, импульс, стремящийся к успокоению, поэтому смысл жизни — в успокоении.

* * *

Нет «плохого» или «хорошего» — это оценки. Есть находящееся в покое (высокое), и в суете (низкое). Покой — абсолютная характеристика, беспокойство — относительная. Мера наибольшего беспокойства определяет силу дьявола: это непрерывно растущий хаос, энтропия, ведущая к разрушению. Беспокойство не может быть таинственно, оно выдаёт себя. Таинственное же спокойно: спокойно-высокое.

* * *

Когда одновременно возникают две разные мысли, между ними автоматически выстраивается связь, отсюда и склонность человека выстраивать иллюзорные связи.

* * *

Любовь дарует радость и оживляет, без любви человек — робот.

* * *

На стадо баранов всегда находили волки, а если при этом погибнут ещё и пастухи, так это естественно, они сами выбрали себе это занятие.

* * *

Враг лучше предателя, но и предатель лучше предателя врага.

* * *

Через творчество отдаётся свет, уравнивающий тьму кармических свершений. И маятник приходит в равновесие, не ударяя выведшего его из равновесия. Но при этом нужно помнить, что жизнь во грехе не совместима с творчеством. Откуда возьмётся свет, находящийся во тьме?

* * *

Простите мою печаль,
ведь я — поэт,
а человеческие поэты — печальны.

* * *

Прикасаюсь к клавиатуре фортепиано — всё равно, что к поверхности воды, рождая на ней лёгкие волны и дрожь, это потрясающая, непостижимая вода музыки, стоит только слегка утопить в неё пальцы, и она тотчас начинает петь тонким хором неисчислимых голосов.

* * *

Инструментальная музыка «меньше человека», в лучшем случае она заполняет его душу. А колокольный звон заполняет всего человека, полностью овладевает им. Стоит только обратиться к колоколам, потянув за одну верёвку, как они неумолимо начинают пробуждаться. И вот уже человек сам оказывается в их плену, и пока колокола не наговорятся, не выскажут всё, что накопилось в их душах, они не перестанут звонить и не отпустят человека.

* * *

Моя самая большая мечта, чтобы вновь зазвучали «сорок-сороков», чтобы, как только раздавался звук Большого колокола Кремлёвской звонницы, его тут же подхватывала вся Москва, потом Петербург. И вот уже звенит вся Россия, а потом и весь Мир!

* * *

В колокольном звоне нет дисгармонии — он почти белый!

Кто хоть раз попадает в эту звуковую ловушку, оказавшись на звоннице, в самом центре бури, точнее сказать в её эпицентре, тот уже не сможет вырваться из неё никогда.

Когда я говорил, что колокола спускаются на земли России с небес, я видел их глубоко изумрудными, длинными, округлыми, как тёплые трубы, выходящие из вечности и в ней же растворяющиеся. А оказалось, что они бе-

ло-серебряные, чуть сероватые, в звенящих трещинах, они не обволакивают печально, а наполняют духом, чистотой и радостью. И эта высота духа ни с чем не сравнимое чувство!

* * *

Чувство — это повышенное внимание к объекту, ненависть сопровождается разрушением, любовь — созиданием. Печаль и страдание учат: мудрость печали и урок страданий. Радость — легка и чиста.

* * *

Тишина — естественное состояние, но иногда необходимость заставляет нас нарушать тишину, и мы должны сделать это как можно более экономно.

* * *

Жить прошлой жизнью — значит быть мёртвым.

* * *

Не бойтесь дождя, ибо он с того же неба, что и солнце.

* * *

Каково бы ни было содержание стрелы мысли, она полетит только в ту сторону, куда направлено внимание. Необходимо совпадение содержания посылаемой мысли с точкой, в которую устремлено внимание.

* * *

Я выступаю за соединение литературы, музыки и живописи, если в союзе одно из них доминирует, то другие должны усиливать первое.

* * *

На улице очень интересно поёт какая-то птичка, она поёт ровными восьмыми. Этой птичке отозвалась другая, в чистой *cis*.

Нижний, опорный звук пения птицы, имел несколько обертонов, создающих вокруг основного звука секундовый фон, от этого акцент на первую долю звучал более ярко (второй же звук был чистый). По-видимому, от количества двойных группировок, между тройными, их местоположения и длины фраз, как раз и зависит содержание той информации, которую передаёт птица.

* * *

Человеческое умение мыслить абстрактно приводит к войнам. Когда животное видит одного врага, человек считает врагами уже всех тех, у кого цвет

кожи похож на цвет кожи возмутителя его спокойствия. Умение абстрактно мыслить здесь превращается в человеческую глупость.

* * *

Чтобы быть человеком, нужно любить (сострадать, плакать, нужно быть страстным, а не разумным над своими страстями), нужно быть разумным страстно.

* * *

Любовь — стержень всех частей единой системы человека, но она — разная. Она может быть страстной и бесстрастной, ведь хоть она и одинакова сама по себе, но, проявляясь через человека, она приобретает его качества.

* * *

Чистота подобна покою — она лишена грязи, как покой — суеты.

* * *

Рисование — бесстрастное занятие, оно подходит уровню богов.

* * *

Одиночество — прекраснейшее из всех состояний, оно и есть — свобода. Если уединение вызывает страдание, то это не одиночество, в данном случае человек продолжает выстраивать связи с окружающим. Он испытывает желания, направленные на окружающий мир, и так как иллюзорные картинки в его сознании не совпадают с реальностью, то возникает напряжение и, следовательно, страдания.

* * *

Смысл жизни — в соединении разъединённого (парадокс магнита), так как единство — естественное состояние, то чем больше оно нарушается, тем больше выделяется энергии на его восстановление.

* * *

Культура — память прошлых достижений. Умиравший — теряет память.
Умиравшая раса — теряет культуру!

Обратное верно: потеря культуры свидетельствует о близкой смерти расы.

* * *

Избавиться от Бога внутри себя — невозможно, так как душа есть часть Вселенской Души (Бога), но порвать связь части с Единым — можно, что мы

и видим на примере большинства современных людей.

* * *

Всё равно, доля истины непомерно больше, чем целая человеческая правда, которая слишком относительна и поэтому — долго не живёт.

А истина — бессмертна.

* * *

Сначала время подгоняешь, потом этот вал уже не остановить.

* * *

Мысли должны быть устремлены в будущее. Тогда будущее не будет неожиданным, а явится, как закономерное следствие.

* * *

Нажатие клапана кларнета или укол смычка протыкают пространство, и оттуда начинает течь тоненькая струйка музыки.

* * *

Писателю не стоит придумывать судьбы — это неправдивость перед реальностью. Лучше использовать реально существующих людей как персонажи.

* * *

Человек не рождается для того, чтобы заниматься суетой.

Так почему же я удивляюсь тому, что уклоняюсь от бесполезной работы и принимаю минуты покоя и уединения за безумие!

* * *

Трезвое сознание — такой бесценный дар, что разрушать его алкоголем и прочими ядами просто недопустимо и самоубийственно!

Не находящийся в трезвом состоянии не может даже мечтать о свободе, он — порабощён.

* * *

Молитва — это приведение духа в движение.

Оружие ваше — ваш дух.

* * *

Творческую продуктивность определяет частота радостных минут, минут рождения, а глубина страдания прямо пропорциональна силе творчества.

* * *

Взгляд как рентген — не нужно слов, давайте общаться взглядом.

* * *

Я причисляю религию к наукам, потому что она фактически учит, как необходимо жить.

* * *

Плач Бога над человеком подобен дождю, который заставляет человека — расти. Дождь этот порождает жизнь.

* * *

Я — поэт,
потому что тебя у меня нет.

* * *

Ещё несколько слов о любви.

Любовь не бывает несчастной, любовь дарит счастье и только счастье, другое дело, что рядом с любовью могут быть несчастья для вас, но только всегда рядом, никогда любовь не омрачена негативным. Таким образом, если вы любите девушку, а она любит другого, то это не значит, что ваша любовь несчастна, просто необходимо отделить любовь и образ любимого от обстоятельств их воздействия на вас.

Ведь в приведённом выше примере вас тяготит не ваша любовь, а отсутствие внимания со стороны девушки и ревность, как признание собственной несостоятельности (по сравнению с кем-то), то и другое — принадлежит это, ещё раз замечу, что важнейшей задачей является избавление от этого.

* * *

Сегодня посмотрел в глаза ребёнка и почти сразу же наткнулся на дно, очень не глубоко, буквально пара сантиметров.

* * *

Довольно фантазии! Она лишает меня правды!
Довольно правды! От неё не помогает даже фантазия.